

ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК
ПРЕВРАЩЕНИЕ

Елена Усачева

Елена Александровна Усачева
Превращение
Серия «Влечение», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3956815
Превращение : роман: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41994-4

Аннотация

Маша и Макс счастливы – наконец-то они вместе, вдали от друзей и врагов, Смотрителей и вампиров, вдвоем среди сурового великолепия Севера. Колдовская сила Маши растет. Девушка чувствует, как мир раскрывает ей свои неведомые стороны и тайны. Ее превращение вот-вот завершится... Но кто-то явно этого не хочет. Неведомый враг наводит на убежище влюбленных Аскольда и Олафа – вампиров-мстителей, странствующих по миру в поисках нарушителей правил.

Содержание

Глава I	6
Глава II	29
Глава III	54
Глава IV	80
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елена Усачева

Превращение

*Выражаю благодарность Хансу-Георгу Шнааку
за помощь в переводе на немецкий язык*

*Дорого вовремя время.
Времени много и мало.
Долгое время – не время,
Если оно миновало.*

С. Маршак

Чаще вглядывайтесь в свое отражение. Не просто бросайте быстрый взгляд, не мимолетно задерживайте внимание на неудачно выбившемся из прически локоне. Остановитесь и посмотрите на того незнакомца, что изучает вас. Вы уверены, что знаете того, кто стоит перед вами? Смотрите внимательней. Вздрыгнули? Не пугайтесь! Я вас познакомлю. Это вы. Но не тот, что был вчера или позавчера. Сегодняшний. Превращения происходят ежесекундно, и их стоит в себе замечать. Новый человек совершает новые поступки.

Что? Перед вами в зеркале опять незнакомец? Подождите, я вас сейчас познакомлю...

А еще я хочу раскрыть один древний секрет. Мне рассказал его барабанящий в оконное стекло дождь. Если кого-то ждешь по-настоящему, ждешь так сильно, что жизнь начинает казаться сном, надо посмотреть на горизонт, на верхуш-

ки деревьев, на звезды, на кисею дождя. И просто поверить, что любимый придет. Слышите? Дождь начинается! Идите, встречайте...

Глава I

Призраки прошлого

Шампанское искрилось в бокале, пощелкивало пузырьками о прозрачные стенки. Как всегда в последнюю минуту уходящего года, в душе проснулось волнение. От года еще остался маленький хвостик, может, я успею что-то сделать? Самое важное, самое нужное! Несколько минут, секунд, мгновений... Задержать! Нечего ему уходить, он был так упоительно хорош! И главное – в нем был Макс. Мой прекрасный принц. Моя смертельная болезнь под названием любовь. Любовь вопреки чужим мнениям, против всех правил. Любовь к вампиру...

Я поправила свечу. Взгляд от подрагивающего огонька перешел на сидящего напротив меня Макса. Милый мой, как хорошо, что ты рядом! Порой мне не верится, что это происходит со мной. Каждое утро я начинаю новую жизнь. Жизнь с тобой.

В последние минуты уходящего года надо вспомнить все, что за этот год произошло. Но я начну свои воспоминания с октября. Холодного, промозглого октября насморочной осени. Именно тогда состоялось мое невероятное знакомство с Максом. Наши глаза встретились, кто-то как будто спустил пружину дней, и они помчались вперед на сумасшедшей ско-

рости. Вспоминаю осень, и сердце начинает колотиться. Все, что было раньше, я не помню. Забыла. Настоящая жизнь во-
рвалась в меня лишь с его появлением.

Замрите, секунды! Не уходите, минуты. Время, стой! Пус-
кай этот год длится бесконечно, потому что в нем есть Макс!

– Примету знаешь? – осторожно спросил любимый.

– Как год встретишь, так его и проведешь, – предположи-
ла я.

– Скорее – с кем встретишь...

Он посмотрел на меня, и все вокруг поплыло, исчезло. Комната, дрожащие свечи. Я бы, наверное, уронила бокал, если бы Макс вовремя не поддержал мою руку. Прикоснове-
ние холодных пальцев вызвало озноб по телу.

– С тобой, – прошептала я, глядя на его губы. Так хоте-
лось, чтобы он поцеловал...

Смущенно отвела взгляд, делая вид, что проверяю, не
пролилось ли шампанское. Что там у нас с приметамии? Но-
вое платье, непременно салат оливье и первый день, кото-
рый нужно скорее перелистнуть, как первую страницу в тет-
ради. Писать в начале тетради – дурная примета.

Макс взял мои руки в свои, и я легла грудью на стол, чтобы
быть ближе к нему.

– У вас на Новый год бьют куранты. Двенадцать раз, две-
надцать секунд, за которые надо успеть загадать желание, на-
писать его на записочке, сжечь, пепел бросить в бокал с шам-
панским и выпить.

Я, кажется, знаю, кто мог рассказать Максу об этом миллом обычае. Среди нас всего один специалист по загадыванию желаний – юная вампирша Маринка. Причем свое желание она уже не раз озвучивала. Ей очень хочется, чтобы я поскорее куда-нибудь делась. Испарилась. Растворилась в воздухе. Растеклась молекулами по Вселенной. Но так как я не обладаю такими способностями, то остаюсь здесь. Если уж мы уедем, то вместе с Максом.

Я оглядела нашу комнату. Две кровати, между ними стол, покрытый узорным тюлем – единственное подобие скатерти, что удалось найти. На столе две свечи в подсвечниках, бутылка шампанского, глубокая миска с салатом. Одна вилка. Больше в эту ночь никто есть не собирался. Мы сидим вдвоем с Максом. Маринка весь вечер путалась под ногами и вот пропала. Я не чувствую, где она. Я не чувствую ничего. Будем отдыхать и наслаждаться покоем. За этим мы сюда и сбежали от всех. Оставили за спиной множество людей и проблем, их возмущенные крики, попытки заставить нас сделать так, как им удобно. Стали делать, как удобно нам. Первые пару дней было неуютно – одинокий деревенский дом, снежная пустыня, лес, гудящее море и никого на много километров. А потом мне даже стало нравиться. Здесь не было ни одной живой души. Совсем. Нам ниоткуда не грозила опасность. И только бесконечное море, море, море...

Сейчас в доме царила сказочная безмятежность. Макс специально выключил дизельный мотор, подающий электри-

чество. Мне хотелось тишины, хотелось быть вместе с ним.

– На чем будем писать? – поинтересовалась я.

Обычно под бой курантов я быстро проговаривала мысленно все-все мечты, собранные за пару дней до праздника. То-то они не сбывались – оказывается, надо было записочки писать.

– Я тут кое-что подготовил...

Макс выложил передо мной пару листов белоснежной бумаги, ручки. Улыбнулся. Рассчитывает на похвалу за предусмотрительность? Ага, пока мы этот картон будем жечь, не только куранты отсчитают двенадцать – старый Новый год наступит.

Я глянула на часы. В запасе у меня было пять минут. Вечность!

– Это не годится! – отодвинула я бумагу.

Где бы взять, где бы взять? Я повертелась на месте, сообщая, чем заменить плотные листы. Мне сейчас нужна была другая бумага, папиросная, тонкая, невесомая, легковоспламеняющаяся. Взгляд упал на стопку салфеток. Не очень эстетично, конечно, но с другой стороны – хоть не туалетная бумага.

– Держи!

Разделила двухслойные салфетки на прозрачные составляющие, взяла ручку. Пальцы дрогнули. Я глубоко вздохнула, прогоняя смутное ощущение тревоги. Что опять собирается произойти во внешнем мире? Кто снова намеревается

нарушить мой покой?

– Не успеешь!

Вот и источник волнений явился. А я все думала, почему меня так трясет? Надеялась, что от предошущения нового и таинственного. Оказывается, из-за Маринки. С чего я решила, что праздник мы проведем без нее? Куда ж она денется!

Маринка прошла мимо кровати, включила радио, наполнив комнату заокеанским шипением и стонами. Здесь все очень плохо берет, и радио, и сотовый. Странно, что магнитофон работает. Мне казалось, батарейки в нем сели. Я снова глянула на часы. В последние минуты года люди на всей Земле успевают посмотреть на часы чаще, чем в последующие два месяца.

– Марина, присоединяйся. – Макс щедро отдал маленькой вампирше кусочек салфетки. – У нас одна ручка на двоих.

– А если не сбудется? – Марина подняла на меня глаза. Взгляд у нее был злой, колючий, с искорками ненависти в глубине зрачка.

– Сначала успей! – вернула я девочке ее колкость.

А ведь когда-то она была милым, хорошим ребенком! Сидела у окошка, всем «здрости!» говорила, улыбалась, играла с плюшевым щенком. Куда все делось? Не спрятала же она свое детство в карман? Оно в ней осталось. Достать бы...

Маринка хитро прищурилась, блеснув удлиненными клыками. Вызов был брошен. Я глянула на Макса. Он кивнул, поддерживая меня.

Радио выплонуло уверенный призыв: «С Новым годом!» – и снова ухнуло в шипящую бездну. Из черноты динамиков понеслись торжественные «бом, бом, бом» курантов Спасской башни Московского Кремля.

Первый такт мы пропустили вместе. Я схватила ручку. От волнения нажала слишком сильно и порвала салфетку. «Быть с Максом». Этого достаточно, но рука сама писала дальше: «Вдвоем!» Восклицательный знак провалился в пустоту – в белой воздушной ткани появилась новая прореха. Я поднесла салфетку к свече. Пламя дернулось и погасло. Подхваченная сквозняком искра упала на записку, поджигая ее. Бумага полыхнула. Я вскрикнула, не ожидая такого пламени. Кончик обгорел и оторвался, тонкий пепел полетел вниз. Макс успел подтянуть мою руку к бокалу шампанского, и черные чешуйки беззвучно опустились в пузырящуюся жидкость. Дальше я уже все сделала сама. Залпом опрокинула содержимое бокала себе в рот. Дыхание перехватило. Глазами, полными слез, я смотрела на Макса. Последний удар прозвучал коротким эхом и оборвался тяжелой нотой гимна.

– Ага! – завопила я, роняя бокал. – Успела!

– Молодец! – Макс поставил бокал на стол и только после этого поцеловал меня прямо в открытый рот. – С Новым годом, Маша!

– И меня поцеловать! – требовательно дернула его Маринка. – Я тоже загадала!

– А тебя, маленькая негодница, надо отправить спать, – повернулся к ней Макс. – Нечестно играешь!

– Ну и что! – Маринка тащила Макса к себе.

– Зачем свечу задула? – Он склонился, но продолжал удерживать ее на расстоянии, не давая дотянуться до себя.

– Она сама погасла! – Маринка нырнула Максу под руки, надеясь так добраться до его губ, но он оказался быстрее. Перехватил ее за талию и прижал к своему боку, заявив:

– Маша победила!

– Мы успели написать две записки, а она только одну! – не сдавалась Маринка.

От их спора мне стало весело. Я взяла бокал Макса и стала из него медленно пить. Когда записка прогорела и пепел упал в шампанское, мой любимый сделал вид, что пьет. Или действительно что-то отпил? Теперь я выпью из его бокала, узнаю, что он думает.

Мыслей оказалось либо слишком много, либо их не было совсем. В голове от быстро выпитого шампанского зашумело, пузырьки по уже проторенной дорожке ударили в нос. Я чихнула и довольно оглядела стол.

Такой Новый год у меня впервые. Без родителей. С Максом. И как в нагрузку – с его друзьями-вампирами. Хорошо это? Через год узнаем.

Наш стол изображал из себя поле боя, усыпанное разноцветными кружочками конфетти, – Маринка постаралась, грохнула у меня над головой сразу две хлопушки. Пришлось

долго выбирать эти самые конфетти из тарелки с оливье. Сейчас как сяду, как все съем! Мои милые вампиры уже подкрепились, полдня обоих не было. Сначала Макс объяснял Маринке тонкости вампирской премудрости, потом они вместе пошли на охоту. Судя по довольной мордашке, у девочки неплохо получается. Оба вернулись умиротворенные, с прозрачно-голубыми глазами, долго хитро переглядывались. Макс принес замороженную плоску салата. Сказал, что от Лео. Мило.

Шоколад, шампанское... Здравствуй, взрослая жизнь! А вот и оливье. Я зачерпнула полную ложку. Всегда мечтала как-нибудь поесть салат прямо из общей миски. Это казалось таким притягательным: стоит она такая полная, нетронутая, а тут я с половником...

– Станешь толстой, Макс тебя бросит, – прошипела Маришка над ухом.

Вот ведь мерзость мелкая! Всегда найдет, какую гадость сказать.

Я снова утопила ложку в смеси колбасы, гороха, соленых огурцов et cetera. А салатик ничего. Доем и буду худеть.

– Чем займемся? – спросила я.

– Пойдем на улицу! – подхватилась Маринка.

У меня тут же пропал аппетит. Не сказать, что я уж такая мерзлячка, но за пару недель проживания в этом милом мертвом месте неподалеку от реки Сёмжа я успела основательно промерзнуть. Тут холодно. Все время холодно. Дуют

сильные ветра, два часа своего пребывания над горизонтом солнце проводит за облаками, из-за чего стоят бесконечные сумерки.

– Нет!

Я уже давилась салатом, лишь бы только не шевелиться, не искать свои унты с курткой и никуда не идти. Ночью наш островок спокойствия особенно печален. Крутой обрыв с грязно-зеленым замерзшим илом. Двадцать метров до моря. До вечно стылого, грозного Белого моря. Впрочем, ночью это особенно и не видно.

Макс смотрел на меня, и на его лице были написаны все чувства, что он сейчас ко мне испытывал. Любовь. А еще ему было меня жалко. Да уж, воевать с Маринкой не самое легкое занятие. Даже он порой устает. Или ему действительно не нравилось, что я так много ем?

– Мы не пойдем из дома! – Я отодвинула плоску, приподняла свой бокал.

– Чем обычно занимаются в праздники? – поддержал меня Макс, подливая шампанское.

– Смотрят телевизор, – сквозь зубы пробормотала Маринка.

– Поют хором, – улыбнулась я ей в ответ, отпивая из бокала. Пузырьки вновь ударили в нос, я зажала его пальцами, покосилась на Макса. Может, ему еще и пьющие девушки не нравятся?

– Гадают! – Макс предпочел не замечать мои манипуля-

ции с бокалом. Он плавным движением руки обвел комнату, словно здесь должны были появиться сцена, маленький черный столик с цилиндром, откуда по щелчку ползут зайцы и полетят голуби с кисейными платками, привязанными к лапкам.

– На суженого, – согласилась я.

О! А это хороший повод прекратить праздник обжорства. Мне надоело есть и пить в гордом одиночестве.

– Я тоже хочу на суженого! – Маринка с готовностью усе-
лась за столом. – Что надо делать?

– Гадают на картах, на воде, на свече, – проявила я глуби-
ну своих знаний. – С чего начнем?

И я уставилась на горящую свечу.

– Карт у нас нет, – напомнил Макс.

Мог бы и не говорить. У нас ничего нет, кроме двух кро-
ватей с наваленными на них одеялами и пачки кофе на кухне.

– Зато у нас сколько хочешь воды! – намекнула я на неда-
лечокое море.

– Идем на улицу? – Маринка спустила ногу со стула.

Эх, зря я сказала про море.

– Можно гадать на свече, как у Жуковского, – предложил
Макс.

– У кого? – недовольно переспросила Маринка.

Когда она стала вампиром, девочке только-только стукну-
ло семь, ей еще читали Маршака с Заходером. Смотреть на
нее было весело. Милый маленький вампирчик, возомнив-

ший себя великаном.

– Нужно два зеркала... – попыталась я улыбнуться. Маринка отвернулась. Не нужны ей были мои улыбки.

Одно зеркало нашлось у меня в рюкзаке, второе мы сняли со стены на кухне. В этом забытом богом, продутом всеми ветрами домике рыбака когда-то жили люди, и иногда они хотели знать, что нового появилось на их лицах.

– Гадают в нежилом помещении. – Макс тоже оказался весьма продвинутым челом в чародейских делах.

Нежилое помещение – это сарай, но там холодно и темно.

– Тогда идем на улицу! – подпрыгнула Маринка.

Макс легко считал с моего лица недовольство. Если эта мелочь еще раз попросится на улицу, она туда отправится одна, без сопровождения!

– Лучше на кухню, – предложил Макс. – Ее можно назвать нежилым помещением, там ведь не спят.

Правильно, люди там не спят, а вампиры, тем более мелкие, за живых не считаются. Один мой знакомый колдун определил их как «нежить». Про Макса так не скажу, а Маринка точно вредный микроб, а не живое существо.

Девочка уселась на стул, недовольно поджав губы. Я демонстративно подошла к Максy и чмокнула его в прохладную щеку.

– Я люблю тебя, – прошептала достаточно громко, чтобы услышала Маринка. Впрочем, она бы услышала, даже если бы я произнесла это одними губами, – у вампиров велико-

лепный слух.

Макс посмотрел на меня прозрачно-голубыми глазами, улыбнулся. Как же он сейчас был красив! Красив в своем неподражаемом спокойствии, со вздернутыми, словно удивленными бровями, во всегдашней способности видеть и слышать, что происходит вокруг. Каждый раз, когда я на секунду отворачиваюсь от него, а потом смотрю вновь, передо мной словно встает новое существо. Я готова постоянно удивляться тому, какой он разный и в то же время постоянный. Это уже и любовью назвать нельзя. Я смотрюсь в него, как в себя, чувствую его, как себя. Когда-то давным-давно, сто миллионов лет назад, мы соединились с ним в единое целое, и теперь нас ничто не разлучит. И нет никакой разницы в том, что я человек, а он вампир. Мы с ним стерли границу между нами еще тогда, сто миллионов лет назад.

– Хорошо, пошли на кухню. – Я подхватила свой бокал. Больше отсюда брать было нечего. Стол со стульями и свечи там есть.

Вампиры уже расположились на кухне, а я только-только переступала порог. Смотрят, старательно тянут губы в улыбку. А здесь потеплее, чем в комнате, сюда идет весь жар печки.

Маринка царапала зеркалом стол, пытаясь установить его вертикально. Свеча недовольно трещала, помаргивая.

– Я буду первая!

Вампирша поправила маленькое зеркальце, ловя в нем от-

ражение большого. В нем появилась свеча, бросившая свой свет в длинный коридор отражений. Я насчитала семь арок, в каждой из которых были видны светлые глаза девочки, ее белый блестящий нос, от которого, как от третьего зеркала, отражался подрагивающий свет почти прогоревшей свечи.

– Дальше что? – Ей не терпелось начать.

– Надо распустить волосы, снять с себя браслеты, кольца, цепочки и ремни, – медленно перечисляла я, специально растягивая время.

Она тряхнула руками, демонстрируя отсутствие перечисленного. Резиночек Маринка не признавала в принципе, гордясь своей лохматой шевелюрой.

– Сняли.

Макс погладил меня по плечу. Ему не доставляло удовольствия наблюдать наши с Маринкой постоянные препирательства.

– Смотри на получившийся в большом зеркале коридор... – сдалась я. Ради Макса я готова на все. Даже на любовь к Маринке.

Девочка пригнулась, разглядывая заказанную дорожку.

– Потом надо три раза негромко произнести: «Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный!»

Кажется, текст должен быть именно таким. Но слова здесь не главное. Все зависит от эмоционального заряда, что в них вкладывается. Если очень хочется кого-то увидеть, он явится наверняка.

– Точно придет? – с сомнением покосилась на меня Маринка.

К ней – вряд ли, но я не стала об этом говорить.

– Обязательно! – Я даже улыбнулась. – Начинай, не тяни время. Суженые-ряженые стоят в очереди. Твой замешкается, мой заявится.

И я прижалась к плечу Макса. Он улыбнулся. Умничка! Как хорошо, когда тебя понимают...

– Твой подождет, – скривилась Маринка, отворачиваясь.

Я могу не гадать. Зачем? У меня все есть. Счастье, любовь и бесконечная жизнь впереди.

Маринка опустила голову. Кудри рассыпались по плечам. Девочка не шевелилась. Совсем. Сидела, как маленький застывший перед прыжком хищник. Кошка перед броском за мышкой.

– Суженый-ряженный... – заговорила она, медленно поднимая голову.

Внутри у меня родился смех, но я сдержалась. Макс кончиками пальцев касался моего плеча, давая понять, что надо терпеть, что не стоит обижать маленьких. Его способность принимать человека таким, какой он есть, не знала границ.

Маринка старательно сдвигала брови, с остервенением всматривалась в темное зеркало – от такого взгляда стекло могло вот-вот треснуть.

– Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный... – низким хрипловатым голосом шептала девочка слова заклина-

ния.

Мне хотелось глянуть на Макса, чтобы разделить с ним свое веселье, но я боялась оторвать взгляд от зеркала. Кто знает, может, это все и шутки, а может, она себе сейчас что-нибудь и нашепчет? Вот бы увидеть...

– Суженый-ряженный... – выла маленькая вампирша.

Я уже готова была прыснуть, но тут словно что-то стукнулось в стену дома. По крыше пробежали шаги, по полу прошла вибрация. Я подняла руку, чтобы удержать равновесие.

Макс обнял меня за талию, снова погладил по плечу. Маринка продолжала изучать отражение в зеркале. Я уже собиралась спросить у Макса, почувствовал ли он то же, что и я, но он коснулся своих губ пальцем, продолжая со спокойной благосклонностью наблюдать за мучениями девочки.

Ногам стало жарко. Тепло шло сквозь подошвы тапочек. Оттуда? Через пол? Через промерзшую просоленную землю? Я огляделась. Если мы горим, то из-под досок должен пробиваться дым, а следом и языки пламени. Бесконечно далекий горизонт приблизился, ахнул воздух. Что-то шло сюда. Страшная сила надвигалась на дом.

– Нет там ничего! – Маринка резко положила большое зеркало на стол лицом вниз. От внезапного хлопка я вздрогнула.

– Что? – Макс склонился ко мне, почувствовал мое напряжение, готовый в любую секунду кинуться ради меня в бой.

– Показалось, – проворчала я, поднося руку ко лбу.

А что я скажу? Что ногам вдруг стало жарко, а голове холодно? Что от Маринкиных заговоров подул ветер и дом заходил ходуном?

– Креститься надо, когда кажется! – с готовностью подхватила Маринка.

– Что показалось? – В отличие от Маринки Макс не был столь равнодушен к моим ощущениям.

– Сюда кто-то идет.

– Наконец-то! – взвизгнула вампирша, бросаясь к двери.

Она кого-то ждет? Еще одного вампира? Этого только не хватало!

– Ты о чем? – Я терла пальцами покрывшийся потом лоб.

– Ни о чем! – Маринка стояла около печки, зло поглядывая себе под ноги.

Я прислушалась к себе. Тишина.

– Показалось, – повторила я, прикладывая ладонь любимого к своей щеке. Ее прохлада была для меня как нельзя кстати. – Значит, Макс тебе в зеркале не явился? – неловко перевела я разговор.

Ушла бы Маринка, остались бы мы с Максом наедине, все сразу бы стало хорошо. А так... Эх, ребенок...

– Явился! – запоздало спохватилась Маринка. – Сразу говорить не стала.

Как можно спорить с маленькой вредной девчонкой? Явился так явился.

– Тогда моя очередь! – протянула я руку к зеркалу.

– Нет, Макса! – Маринка отпихнула меня, отдавая карманное зеркальце вампиру.

– Мне тоже говорить «суженый-ряженный»? – усмехнулся Макс, отстраняясь. – Нет уж, девочки, я выберу себе другое гадание. Что-нибудь, связанное с огнем.

Он сел на стул, сложил руки на груди, сделав вид, что перебирает в уме все существующие развлечения на новогоднюю ночь. Ну, это надолго.

Маринка стрельнула в мою сторону возмущенным взглядом.

– И не ври! – зашипела, вставая у меня за спиной. – Я буду следить!

– Не мешай ей. – Макс перехватил девочку, усаживая к себе на колени. – Суженого может увидеть только тот, кому он предназначен.

– А я тебя увидела! – Маринка прильнула к груди Макса, стала теревать ворот его рубашки. – Пускай она этого не знает!

Из нее шпионка, как из меня тапочка! Еще бы в громкоговоритель сообщила. Даже не обидно. Смешно.

– Она не знает, – буркнула я, устраиваясь на стуле.

Ноги еще помнили тепло пола. Темнота за домом насторожилась, готовая зашевелиться, зашуметь, как только ей будет позволено.

– Не ссорьтесь, – миролюбиво произнес Макс.

– Она не поняла! – ткнула пальцем в мою сторону Марин-

ка.

– Мы понимаем друг друга без слов, – покачала я головой, глядя на Макса.

Любимый широко улыбнулся мне в ответ, приподнялся, перегибаясь через сопротивляющуюся Маринку, и поцеловал меня в губы. Я попыталась задержать его, но девочка слишком сильно взбрыкнула, отталкивая меня.

– Может, тогда без гадания обойдемся? – хмыкнула я, поднимая съехавшее на стол зеркало.

– Гадай, гадай! – Девочка дергалась, колотила Макса по груди, заставляя его сесть обратно. – Или боишься?

В ответ я получила злой взгляд. Если она пытается меня таким образом убить, то зря старается. Нас, Смотрителей, стрельбой глазками не проймешь. Здесь нужно оружие по сильнее, и его у Маринки нет. Маленькая она, даже в вампира никого не может обратить.

Надо от нее отвлечься. Я принялась устанавливать большое зеркало, пытаюсь подпереть его чашкой, но тяжелое стекло скользило по покатоному краю фарфора, норовя упасть. Свеча недовольно затрещала. Я посмотрела на вредную девчонку, и зеркало выскользнуло у меня из рук. В этот момент комната с бревенчатыми стенами исчезла, уплыли в небытие стол и печка...

Маринка стоит поблизости и теми же бешеными глазами на кого-то смотрит.

– Ты ее убьешь? – цедит она сквозь зубы.

– Непременно, – звучит голос.

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть Маринкиного собеседника. Передо мной облупившийся угол печки. Реальность в моих мозгах нехотя соединилась с увиденным секунду назад. Почудилось? Или это было на самом деле? И с кем бы Маринке говорить о моем убийстве? Или она желает смерти другому человеку?

– Чуть не уронила! – Макс поставил зеркало на подставку и снова устроился в кресле, усадив беспечно улыбающуюся Маринку на колени.

Конечно, почудилось. Последнее время мне много всякого чудится.

Чтобы прогнать наваждение, я спустила волосы, сняла с шеи гранатовый крестик, проверила запястья, убеждаясь, что ничего не забыла, стянула тапочки, повела плечами, пытаюсь расслабиться. Темнота за стенами дома придвинулась. Любопытная какая! Ничего, сейчас все узнает.

– Суженый-ряженный... – заговорила я. Собственный голос показался чужим, фальшивым. Я невольно отвела глаза, встретившись взглядом с Максом, откашлялась.

– Смотри в зеркало! – тут же заметила непорядок Маринка.

– Не мешай! – подбросил ее на коленях Макс. – Маша, не жульничай. А то я к тебе не приду.

– Не пушу! – Маринка обняла его за шею, и я силой заставила себя отвести глаза.

В большом зеркале отражалось маленькое, а в том отражалось большое. Цепочка отражений создавала коридор. В конце довольно темный. Если пригнуться, то в этом коридоре я начинала видеть себя. Раз, два, три... у Маринки отражений было больше. Может, с другого места попробовать?

Девочка у меня за спиной выразительно хмыкнула. Намекает, что я слишком долго вожусь?

Ладно, начнем. С выполнением желаний у меня последнее время проблем не было. Надо только правильно их формулировать.

– Эй, вслух! – напомнила Маринка.

Я настроилась сразу увидеть Макса. Вот он белой точкой появляется из черноты, преодолевая один изгиб коридора за другим, приближается... На нем белая рубашка и черные брюки. Он улыбается, и улыбка преображает его лицо, на щеках появляется румянец...

– Ну, давай! «Суженый-ряженный»! – напомнила Маринка.

Воображаемый Макс в зеркале пропал. Я смотрела в зеркальный коридор, пульсирующий темнотой.

– Суженый-ряженный...

Тот, кого я успела вообразить, не был Максом. Другой. Такой же высокий, с такими же синими глазами...

– Суженый-ряженный...

Слова звучат уныло. Чувствую, больше никто не придет. Нет, даже не так – не придет тот, кого я зову.

– Приди ко мне наряженный. Макс, – оторвалась я от со-

зерцания пустого зазеркалья, – в какой одежде ты предпочитаешь ходить на свидание к девушкам?

– В чистой.

– Так и запишем.

Я взгляделась в серебряную поверхность. Так, если очень постараться, можно вызвать именно Макса. А неизвестного товарища с широкой улыбкой мы вычеркнем. Макс улыбается сдержанно. И вообще он на эмоции не очень щедр. Вампирам эмоции противопоказаны. От них зубы ломаются.

– Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный! – Я закрыла глаза, собираясь с силами. – Суженый-ряженный...

Не успела я договорить, как опять почувствовала слабую вибрацию. Кто-то или что-то приближалось. Ногам снова стало жарко, будто подо мной развели костер. Я схватилась за стол, открывая глаза. И в то же мгновение из темного зазеркалья ко мне приблизилась... нет, не фигура. Только лицо. Старик. Он словно заглянул в комнату, кивнул и исчез.

– Сюда идут!

Макс уже стоял около двери, прислушиваясь к тому, что происходит снаружи.

– Как долго! – прыгала за его спиной Маринка.

– Все в порядке, человек. – Макс втянул в себя воздух. –

Он опоздал...

– Кто опоздал? – Дышать было еще тяжело. Дурацкое гадание! Я так испугалась. Еще эти постоянные недомолвки.

– Его подвезли, – произнес Макс, – чувствую запах бен-

зина.

«Суженый-ряженный...» – еще вертелось в моей голове, хотя и так ясно, что гадание закончилось. Сюда идет что-то более реальное, чем фантом из зеркала.

– Кого вы ждете? – Зачем я задаю вопросы? Они меня все равно не слышат.

Что-то хотелось взять, чтобы защититься. Руки сами легли на поверхность стола. И только тогда я заметила, что большое зеркало лежит перевернутое. Тот, кто шел ко мне, оттуда не выберется. Я его не пущу. И вообще – никого не хочу здесь видеть.

В сердцах сломала попавшуюся под руки спичку, и тут же в дверь постучали.

От неожиданного гостя шла непонятная волна силы. Фиолетовая. Не люблю этот цвет.

Маринка поднырнула под руку Макса, ловко щелкнула задвижкой. Дверь на замок закрывала только я. Вампиры такой привычки не имеют. Зато они имеют привычку без разрешения открывать двери.

Девочка выскочила в темные сени.

– Димка!

Лихая фантазия выкинула передо мной веер образов возможных Дим. Парочка была у меня в школе, один в спортивной секции по фехтованию. Димой звали лошадь на конюшне. Она недавно пала.

– Смотрите, кто это!

Маринка втащила в комнату человека, с ног до головы укутанного в длинную черную куртку с надвинутым на глаза краем капюшона. Высокие сапоги, отороченные мехом, были покрыты коркой снега.

Наверное, как-то так должны выглядеть призраки прошлого. В черном и со снегом на ногах. Тень отца Гамлета, ведьмы Макбета, дух Акакия Акакиевича в поисках шинели...

На пороге стоял Дракон.

Глава II

Жрецы храма вампиров

Когда перед тобой встает прошлое, пускай и не столь отдаленное, оно рождает всего одно желание – спрятать голову под подушку, шепча про себя, что это сон, плохой сон. Перевернешься на другой бок, и вот тебе уже снится что-то приятное: все хорошо, сияет солнце, цветут елки.

Я моргнула раз, другой. Видение не пропадало. Не испарилось сизым дымком, не поменяло обличья. Тогда я потянула руку, чтобы ущипнуть себя. Ухватила кожу на руке. Больно. Но ничего не изменилось. Значит, все на самом деле.

Маринка с ловкостью ящерицы вскарабкалась Дракону на руки, откинула с его головы капюшон.

Он оставался поклонником черного цвета. Черная шапочка, виден ворот черного свитера. Но что-то ушло. Точно, та-туировка пропала. Стильная такая, рисунок дракона на левой щеке, плавно переходящий на шею. Давно, когда жизнь была другой, я маленькой и глупой, а в природе еще держалась осень, Дракон являлся главарем готской тусовки моего города. И вот захотелось ему однажды могущества, чтобы не только поклоняться силам тьмы, но и самому стать такой силой. Стать вампиром. Не получилось. А получилось у него за маниакальное желание убить Макса загромоздить в психушку.

– Тебя уже выпустили из дурдома? – пробормотала я, немного переврав знаменитую фразу из фильма про Шурика¹.

– Там долго не задерживаются, – хрипло, с мороза, ответил мне Дракон. – Привет, кнопка! – Это уже Маринке, цепко держащейся за его шею.

Семейная идиллия, сцена первая. Отец пришел с охоты и принес мамонта. Нет, дракона. Отец? А чего он ее «кнопкой» величает? Они знакомы?

В нормальной жизни его звали Дима Сторожев. Круглолиц и улыбчив, невысок и в меру упитан. Вот только длинных черных волос у него теперь не было. Свою красу и гордость – хвост, всегда чинно лежавший между лопаток, – ему пришлось где-то оставить. Как и цвет. За время, что мы не виделись, краска сошла, и Дима вновь стал темно-русым. На высоком лбу обозначились залысины, над бровями, повторяя их форму, пролегли первые морщины. Но карие глаза смотрели, как всегда, нагло и вызывающе, пухлые губы, а от улыбки на щеках обозначались ямочки.

Раздражение медленной каракатицей проползло от живота к груди. Держите меня семеро! Сейчас порву его на части!

Я вцепилась в край стола, чтобы сразу не метнуть в Дракона что-нибудь тяжелое. Например, зеркало. Разобьется – нехорошая примета обеспечена. Нежданному гостю долго не

¹ Приблизительная цитата из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Здесь и далее примечания автора

усидеть в нашем маленьком домике. Семеро козлят изгонят волка, и победит добро!

– Привет, Макс! – Дракон старательно обстукивал свои луноходы.

– Здравствуй, – отозвался любимый. Он даже не думает возмутиться?

– Не старайся быть вежливым. – Мне хотелось говорить спокойно, но получался полушепот-полухрип. – Сейчас он обратно пойдет.

– Зачем? – В простодушном лице Дракона светилось изумление.

– За хлебом в магазин, – зашипела я, уподобляясь еще одному представителю из семейства хладнокровных.

– А я все привез! – Сторожев кивнул в сторону входной двери, где стояла черная спортивная сумка.

Не Дед Мороз, конечно, но звучит интригующе.

– Да проходи ты скорей! – верещала Маринка, не замечая, что сама же мешает гостю раздеться.

От такого напора я начала сдаваться. И даже не от наглости визита, а от его невозможности. Сюда, в заброшенную, занесенную снегом избушку, прошитую всеми ветрами, где поблизости мало что волки не бегают, мог приехать кто угодно – старый приятель Пашка Колосов, моя милая сумасшедшая подруга Лерка Маркелова, даже любительница инфернальщины и гламурная красотка Стешка Малинина. Я допускала появление папы с мамой, Волан де Морта, тени Ни-

белунгов. Но не Дракона.

– Чего-то не пойму... – Я смотрела только на Макса. На его спокойное красивое лицо. – Он остается?

В мозгах неприятно запульсировало, рождая головную боль. Я медленно повернулась к Диме, но видела не его, а полыхающую мастерскую, прыгающего в дрожащем свете огня Дракона и лежащего без движения любимого. Словно заново пережила все, что тогда испытывала. Особенно неприятным было осознание неотвратимости катастрофы и собственной никчемности.

Воспоминание мазнуло меня по легким, сбило дыхание. Я закашлялась.

«Тише, тише...» – прошептал в сознании голос Макса, словно мы вместе с ним смотрели повтор фильма-катастрофы. Неужели решил, что я действительно брошусь на Сторожева с кулаками?

– Нет, ну ты чего? – Дракон сбросил доху и наклонился снять луноходы. – Там такой дубняк! А у вас здесь тепло. Думал, не найду. Темнота. На Новый год опоздал, да?

Я уставилась на дверь. Возникло ощущение, что следом за Драконом должен войти кто-то еще. Например, другой дракон. Или птеродактиль.

– Давай, давай, проходи! – теребила Сторожева Маринка. – Что привез? Чего так долго?

Долго? Про «долго» я уже слышала. Дракона все ждали. Все, кроме меня.

Я подняла глаза на Макса. Он стоял в дверях между кухней и комнатой, прислонившись спиной к косяку.

– Макс, – вырвался у меня жалобный возглас, – прогони его! Он же тебя убить хотел!

– Меня много кто убить хотел. – Макс оттолкнулся от двери и прошел на кухню. – Если всех прогонять, я рискую остаться в полном одиночестве. К тому же Дима давно понял, что убивать вампиров – неблагодарное занятие. С нами лучше дружить. Мы немало полезного можем сделать. Например, пригласить на новогоднюю вечеринку на берег моря. Не так ли, Дима?

Дракон секунду смотрел на Макса, пытаясь оценить уровень шуток. Но по лицу вампира ничего понять было нельзя. Его настроение можно только почувствовать. И делать это могу лишь я. Дракон пускай нервно курит в сторонке.

– Здорово, что пригласили, – наконец-то ответил он. – Круто!

– Пригласили? – ахнула я. Что-то я перестала понимать, что говорят вокруг меня. Или все разом перешли на немецкий?

– Его позвала Маринка, – пояснил Макс, расслабленной походкой идя к столу. Он не собирался набрасываться на Дракона и вышвыривать за дверь. Он согласен был его принять. – Ей скучно без компании. Дима согласился развеять ее скуку.

Скуку? Ежедневные попытки меня угробить вызывали у

Маринки только скуку?

– Извини, я знал, что он приедет, и изменить уже было ничего нельзя. Вряд ли стоило портить тебе праздник этим сообщением. Согласись, Новый год мы встретили хорошо.

Мы застыли в разных углах кухни. Дракон около входной двери, Макс у стола, я возле печки, готовая от такого соседства воспламениться.

– Ну, что там у тебя? Что? – дергала замок сумки Маринка.

Ей было плевать, что происходит вокруг. Заварила кашу и наслаждается результатами.

Первым наш треугольник нарушил Дракон – двинулся к входной двери.

– Слушай, кнопка, куклу я не нашел. Привез медведя. – Он потрепал Маринку по голове и стал расстегивать сумку. – Но тоже здорового. Держи, Макс, это тебе! – Дракон передал Максиму пакет, с шуршанием развернувшийся в его руке. – Машка, а чего у вас стол не накрыт? Держи, пока не согрелось!

Он вручил мне заледенелую бутылку шампанского и сверток, который я не глядя бросила через плечо. Не нужны мне были его подарки. Глянула на Макса, у него в руках тоже ничего не было. Хоть в этом он со мной солидарен.

– Давай, давай, шевелись! – командовал Сторожев, входя в свое привычное состояние активности. – Чего у нас, не праздник, что ли? С этими вампирами с голоду подохнуть

можно.

Дима стал передавать мне пластиковые коробки, что-то запакованное на тарелках, и все это я машинально ставила на стол.

– Хватай, мелкая! Спичками пользоваться тебе уже разрешают?

Маринка отлипла от громадного белого медведя ростом как раз с нее, по случаю праздника наряженного в красный шарфик и красную с белым помпоном шапку. Дракон сунул ей в руки с десяток упаковок бенгальских огней, перетянутых желтой резинкой.

– Макс, а это нам. Повеселимся! – Половину объемистой сумки занимала коробка, в которой, судя по нарисованным огонькам на ярких боках, была пиротехника.

– Мне казалось, ты любишь тишину, – произнесла я, чувствуя себя лишней на этом празднике жизни.

– Иногда можно и пошалить. – Макс присел на корточках, изучая коробку. Из сумки выглядывало еще что-то взрывоопасное.

Это было выше моих сил. Я развернулась и пошла в комнату. Здесь все еще горела одинокая свеча, тосковал недоеденный оливье, отпускало последние пузырьки шампанское в бутылке.

Такого просто не может быть! Никакого Дракона в моем зеркале и в помине не было!

Я схватила со стола бутылку и поднесла ко рту. Шипучая

жидкость взорвалась в горле, резанула, и я стала спешно заедать салатом. Давясь, потому что спазм стиснул горло, не давая нормально глотать. Брызнули слезы.

Как же я сейчас себя ненавидела! Презирала за непонятную мне самой податливость и беспомощность. Надо идти обратно! Врезать пощечину по довольному лицу Дракона, вышвырнуть его на улицу. Не должно быть здесь никого. Он остался там, в прошлом. Навечно. Прошлое не возвращается!

– Ты чего эгоистничаешь? Иди к нам!

Голос Сторожева заставил меня закашляться.

– Зачем приехал? – хрипло спросила я.

Слезы еще катились из глаз, но чувствовала я себя уже сносно. Жаль, не ценила, как было хорошо раньше, без этого внезапного визитера.

– Пригласили, – буркнул Дима, по-деловому собирая бокалы со стола. – А чего вы тут-то сидели? На кухне вроде просторней.

– Кто пригласил? – Сейчас я все брошу и начну ему объяснять, почему и отчего!

– Маринка. – Дракон повертел в руках пустую бутылку, оценивающе глянул на меня, словно это я ее сейчас всю и выпила. Хотя да, выпила. И еще выпью. На трезвую голову таких гостей воспринимать нельзя. – Билет мне на самолет забронировала, денег подкинула, чтобы все купил.

– На какой самолет? – Я так и видела, как Маринка доста-

ет (из кармана?) ноутбук, выходит в инет, бронирует Дракону место в самолете. Могу допустить, что компьютер у нее есть, даже допускаю, что она узнала паспортные данные Сто-рожева. Интернета только нет.

– Который с крыльями!

Логично.

А Дракону было плевать на то, что я чувствую. Плевать на то, что от его голоса меня бросает в дрожь. Он продолжал:

– Позвонила в первый же день, как меня выписали, заявила, что у вас здесь тоска смертная, сказала, что билет есть, а деньги она мне по почте вышлет. В общем, чтобы я приезжал.

– Маринка? – Меня заклинило. Я вообще перестала что-либо воспринимать. – У тебя из психушки была с ней ментальная связь?

– Да ты чего! – Сторожев отставил бутылку, удобней перехватил бокалы. – Я ее сто лет знаю.

Сто лет... А мне, значит, сейчас лет двести. Что-то раньше я Димочку около своего дома не видела. Стоп! Все не так. Кого я там видела или не видела, не имеет значения. Сто-рожев был бойфрендом моей подруги Лерки, та заходила ко мне. Пару раз он ее мог и проводить. Маленькая Маринка всегда торчала около окна, со всеми болтала. Почему я решила, что разговаривала она только со мной? И что о своем знакомстве с Максом поведала только мне? Дракон тоже мог оказаться в числе слушателей и узнать раньше меня, что тот

ей носит для поднятия тонуса пантогематоген, кровь маралов. К слову «кровь» Дима всегда дышал неровно.

– Она меня тогда на Макса и вывела, – подтвердил мою догадку Дракон, с любопытством рассматривая нашу небогатую обстановку. – Это я уже потом стал у Мельника расспрашивать. Она же мне и про яд сказала, когда и где встретить Макса. Тогда в мастерской меня малек переклинило, пару месяцев на успокоительных посидел, и все прошло. И тут как раз звонок от Маринки. Я до Архангельска на самолете летел, потом до Мезени на автобусе. По инету снегоход напрокат заказал. Рек тут немерено, какие-то бесконечные переправы, паромы. Автобус этот чертов застрял. Не вписался в поворот и ушел юзом в кювет. Пока нас достали, пока дальше поехали, Новый год наступил. Могли бы другое место выбрать для жизни, я бы раньше приехал.

Я пошевелила губами. Захотелось опять что-нибудь пожевать. Я глянула на тарелку с салатом и отодвинула ее. Кажется, оливье я уже не смогу есть никогда.

– Подожди, – прошептала я, словно Дракон уходил. Но он стоял, готовый ответить на все мои вопросы. – Маринка тебя позвала? Для чего?

– Пойдем, у нее спросим, – кивнул в сторону кухни Дима. Судя по шуршанию, там продолжался разбор подарков. – А вообще я неплохо знал Мельника. Могу тебе помочь. Колдун разрешал мне оставаться, когда работал. Я кое-что записал. Тебя же сейчас должно плющить не по-детски.

– Да что ты об этом знаешь! – Если меня от чего и плющило, так только от его присутствия. Я задохнулась в новом приступе ярости.

Все! Время остановилось, секунды столкнулись друг с другом и осыпались в бездну, перестала течь вода в реках и падать снег. Земля завершила свое многомиллионное вращение.

Интересно, кто был первым дураком, решившим, что в этом мире что-то зависит от нас. Кто был тем самодовольным ослом, убежденным, что стопроцентно уверен в сделанном и результат неизменен. За нас все давно уже решено. И не богами, пирующими в небесной Валгалле, не Олимпийскими вседержителями. А обычными людьми. Смертными. Сумасшедшими смертными.

Смешок толкнулся изнутри, заставив меня подпрыгнуть на табуретке. Я пыталась сдержаться, но, помимо своей воли, снова фыркнула, а потом, перегнувшись пополам, захохотала.

– Эй! – заволновался над моей склоненной головой Дракон. – Ты чего? Эй! Прекрати! Народ!

Смех душил, выворачивал мышцы живота. Стало больно. Я свалилась с табуретки, поджимая под себя колени. И смеялась... смеялась от души!

– Ура! Праздник! – заверещала надо мной Маринка.

Я глянула на нее сквозь слезы и захохотала.

Как все просто. Как легко и незатейливо. Абсолютно су-

масшедший праздник в компании ненормальных...

– Тебе не жестко?

Я открыла глаза, обнаружив, что почему-то лежу на полу. Любимый сидел надо мной на корточках и улыбался. За эту улыбку я готова отдать все на свете. А главное, он был со мной, все остальное неважно.

Из горла вырвался всхлип. Я вытерла снова наворачивающиеся слезы.

– Я люблю тебя!

Очередной смешок пришлось подавить. И тут же щелкнули невидимые пружины, запуская небесный механизм. Время побежало вперед, планета, кряхтя, сдвинулась с места, нагоняя упущенные секунды. Задержавшийся ветерок пронесся мимо зазевавшимся сквозняком.

Я с трудом перевела дыхание, хихикнула напоследок и обессиленно опрокинулась навзничь.

– Du mein Wunder², – нежно прошептал Макс, склоняясь. – Ты жизнь моя.

– Ну, пойдете же! – подпрыгивала за его спиной Маринка.

Шарахнула в потолок пробка.

– С Новым годом! – завопил Дракон.

Веселое шампанское полилось через край.

После смеха мышцы живота ныли, и я боялась, что если сейчас напрягу их, то меня переломит. Самой встать мне

² Ты мое чудо (нем.).

не пришлось – Макс подхватил меня на руки и осторожно понес на кухню.

Мимо проплыли лица – вытянутое от удивления Дракона, злое Маринки.

– Пошли праздновать! – позвал Макс всех за собой.

– Макс, Макс, а меня на руки? – повисла на его локте вредная Маринка.

Рука его не дрогнула. Он нес меня, легко удерживая вцепившуюся в него маленькую вампиршу.

И вновь пузырьки заискрились в бокалах. Электричество работало еле-еле, поэтому Макс подбросил дрова в печку, мы добавили свечей. Маринка носилась вокруг с брызжущими бенгальскими огнями, трясла ими над моей головой. Вместо себя на стул она усадила мишку. В блестящих черных глазах игрушки отражались всполохи, отчего морда зверя становилась по-человечески осмысленной. Казалось, он все понимает и потому с печалью смотрит на происходящее.

Макс сидел вполоборота к столу и с постоянством работа заряжал все новые и новые огни. Масляный свет гулял по его бледному лицу, тонул в потемневших глазах, награждал демоническими чертами.

Я перевела взгляд на Дракона. Угощение он привез значительное – здесь были и мясо, и салаты, и даже курица-гриль. Наверняка Маринка пригласила его с одной целью – позлить меня, а может быть, даже и выжить. После всего случившегося Диму Сторожева я могла только ненавидеть. Чтобы подыг-

рать Маринке, достаточно прямо сейчас устроить скандал. Задеть Дракона хотелось, угодить Маринке в ее желания – нет. Поэтому я просто улыбнулась.

– Давай выпьем за грядущие неожиданности! – предложила я тост как раз в тот момент, когда Сторожев откусил кусок курицы.

Чтобы ответить мне, ему пришлось спешно жевать, искать, обо что вытереть жирные пальцы, облизывать губы. Все это время я нетерпеливо покачивала бокалом перед его носом.

– О! Точно! – Он забросил салфетку за стол. – С Новым годом! С новым счастьем! С готскими неожиданностями!

Звон наших бокалов потонул в Маринкиной бурной радости.

– А ты разве гот? – Бокалом в воздухе я очертила силуэт Дракона.

В нем не осталось ничего от бывшего могучего властителя дум, тел и чаяний готов. Жиденькие волосы, высокий лоб, курносый нос. Да, была черная водолазка, но джинсы синие, белые, крупной вязки, шерстяные носки. На ногтях и следа нет черного маникюра. Уверена, в сумке не нашлось места для готской косметики – черной подводке для глаз и черным теням. А ночная футболка (или в чем он там спит?) наверняка светлая.

– Если бы все определял внешний вид, – Дракон поднял вилку, словно собрался освятить ею стены, – то наше госу-

дарство признали бы самым готичным. Таких мрачных людей, одетых в темные цвета, не встретишь нигде. Не в антураже дело. Гот – это мироощущение. Трагичное по своей сути. И неважно, во что человек одет.

– Проповедь закончилась? – Я растянула губы в притворной улыбке.

– Ты спросила, я ответил, – пожал плечами мой собеседник, накладывая себе салат. Аппетит у мальчика был хороший. – У вас здесь такая компания, – он снова поднял вилку, показывая на вампиров, – что самое время провести готскую вечеринку.

Я быстро отпила из бокала, прогоняя подкативший к горлу комок. Нам тут только вечеринки не хватает... Спасибо, была уже одна, последствия до сих пор половником разгребаем. Где Грегор? Что с Ириной? Как там дела у Антона? Ничего не известно.

– Обойдемся без вечеринки, – хрипло отозвалась я. – Зачем ты все-таки приехал?

Шампанское в бокале закончилось. Я демонстративно громко поставила его на стол. Макс не обратил на это внимания, продолжая уничтожать запас бенгальских огней. Дракон опять занялся курицей.

– Зачем? – склонилась я к нему.

– Ну чего ты! – с куском поджаренной кожицы в зубах прошамкал Дима. – Приехать, что ли, нельзя было?

Я выпрямилась, оглядела стол. От шампанского гудело в

голове, но хотелось пить еще и еще. Мне необходимо выключить мозг, который был не в состоянии понять, что происходит.

– Макс, налей мне! – Я не узнала свой голос – такой капризный тон.

У любимого взгляд патологоанатома, только что совершившего вскрытие моего тела. Внутренне я начала напрягаться, готовясь к маленькой лекции о вреде алкоголя вообще и о его влиянии на неокрепшие мозги. Но Макс вдруг улыбнулся, сунул пробегающей мимо Маринке оставшийся пучок бенгальских палочек и вопросительно посмотрел на Дракона.

– В сумке, – замахал вилкой Сторожев, продолжая бороться с курицей.

– Как там у вас, русских? – У Макса в руке уже была бутылка. Он похлопал ладонью по зеленому доньшку. – Гулять так гулять?

– Любить так любить! – Остановиться я не могла. Мысли без моего ведома соскальзывали на язык, и я не соображала, что говорю. – Стрелять так стрелять.

– Длинно. – Макс осторожно освобождал горлышко от фольги. – Остановимся на любви.

Пробка вышла беззвучно, оставшись в его тонких белых пальцах. Я на секунду зависла взглядом на его руках. Кисти пианиста. Изящные, красивые.захотелось, чтобы сейчас же все исчезли, а я могла взять его за эти тонкие пальцы и...

– За любовь! – Макс поднял вверх бутылку.

О Великие боги! Как он сейчас был хорош!

– За любовь! – Бокал выскальзывал у Дракона из жирных после курицы пальцев, так что ему пришлось держать его двумя руками.

– За любовь, – встала я, с неудовольствием заметив, что фужер в моей руке совершает подозрительный танец. Но я приказала ему замереть. И, выдернув из-под золотой струи, потребовала: – До дна!

– Димка!

Маринка прыгнула на Дракона. Скользкие пальцы выпустили тонкую ножку. Шампанское плеснулось на черный свитер, запузырилось, недовольное таким обращением, быстро впиталось в податливый материал. Бокал шваркнул о джинсы и полетел на пол.

Перед глазами встала похожая картинка – падающий бокал и выливающееся из него красное вино, в моем затуманенном воображении быстренько превратившееся в кровь...

Я успела ахнуть, а Макс уже крутил в руках заляпанный куриным жиром бокал. Поймал.

– Не считается, – усмехнулся он и снова наполнил его до краев.

Я сверлила взглядом Маринку. Чего она хотела? Чтобы бокал разбился? Чтобы кто-то порезался и здесь случилась ночь «длинных ножей»? Силенок у нее на такое маловато. Ничего девочка пока не умеет. Макс ее учит, следит за каж-

дым шагом, но Маринка до сих пор беспомощный, неоперившийся птенец. Даже если тут и прольется кровь, ничего, кроме бешенства, в ней это не вызовет. Не пьет она человеческую кровь. Не приучена.

– А взрывать петарды? – Маринка строила из себя обиженную. Ей зачем-то очень надо было что-нибудь грохнуть. Или кого-нибудь убить. – Пойдем на улицу! – Она оправдывала свой неожиданный прыжок.

Я посмотрела на шампанское в своем бокале, и мне поплохело. Желудок неприятно сжался. Может, от мысли о необходимости идти на улицу?

Все! Хватит думать! На сегодня объявляется праздник.

– За счастливую любовь! – напомнила я, поднимая бокал. Промазала, пытаясь чокнуться с Драконом, и стала жадно пить холодную колючую жидкость.

Перед моим носом появилась тарелка с парой кусочков говядины.

– Поешь, – прошептал мне любимый голос. – Сейчас сходим проветриться.

Я склонила голову, подставляя щеку для поцелуя, но Макса рядом уже не было – отошел, оставив у меня за спиной пустоту и холод. Я вновь уперлась взглядом в шампанское.

Что-то меня сегодня жажда одолела...

Чтобы дотянуться до бутылки, пришлось низко склониться к Дракону, поедающему очередной салат.

– Слушай, – он как-то странно дернул губами, словно они

никак не могли друг с другом соединиться и все разъезжались в разные стороны, – а другие вампиры здесь не появлялись? Ну, может, твои с кем общались?

– Не, не было. – Цель не достигнута, моя рука прошла мимо зеленого горлышка. – Сидим тут, злобу копим.

– А Макс ни о чем таком не говорил? – Дракон гнул ко мне шею, словно я была глухая.

– О чем? – Я попыталась сфокусировать взгляд на его лице. Четкой картинкой не получалась. – А чего ты? У него и спроси. Макс!

Я схватила шампанское, прикинула оставшийся объем: многовато, из горлышка не потяну. Но тут бутылка стукнулась об стол и чуть не выскользнула из рук, потому что Дракон дернул меня к себе.

– Шуметь-то не надо, – прошептал Сторожев мне в лицо. Я почувствовала неприятный запах курицы. – Зачем спрашивать? Все равно не ответит. Надо понаблюдать. Мы же при них кто?

– К-кто? – Меня пробило на икоту.

Я стала с удвоенной энергией искать свой бокал. И он нашелся. В тарелке с салатом. Прилег отдохнуть. Хорошо, что в салате нет сухариков, а то бы лицо себе поцарапал...

– Жрецы, охраняющие их существование.

Хотелось хмыкнуть, но вместо этого я опять икнула и не к месту улыбнулась. Поискала глазами Макса. Он был около печки. Ворошил угли. Марина вилась вокруг него. Дракон

проследил за моим взглядом.

– Я же понимаю – кого-то они выбирают для превращения, а кто-то им не подходит. Я еще у Мельника спрашивал. Тот говорил, что силы во мне не видит, что я не могу править, способен только служить. Я тогда и с Маринкой завязался, чтобы проверить – а вдруг получится? Выходит, и правда, для этих вампиров мы никто. Но ведь есть и другие. Не такие капризные. С ними легко будет договориться.

– Наверное, – кивнула я, вытирая бокал салфеткой.

Дракон, как всегда, нес беспросветную чушь. Жрецы, служение, храм... Лучше бы чайники паял, честное слово!

– Вот я и решил, если рядом с вампирами покрутиться, то можно выйти на других, тогда все получится.

Угу, получится...

Я снова икнула. Горлышко бутылки плясало над хрупким краем бокала и все норовило его опрокинуть.

Даже знаю, кто к тебе придет. Не придет – приедет. Машина «Скорой помощи».

– Ты, если что узнаешь, дай знак. – Дракон забрал бутылку и налил мне шампанского. – Я потом и тебе помогу. Жалко, Маринка не в силах обряд провести, а то бы все уже было в шоколаде.

– Шоколад! – вспомнила я. Говорят, нет ничего лучше, чем заедать шампанское шоколадом. – Макс, принеси шоколад. Он где-то здесь был...

Оглянулась, словно вокруг меня должны были стоять ко-

робки с армейским шоколадом от Лео, но обнаружила только грязный затоптанный пол. Бокал с шампанским в руке стал тяжелым. Решив, что если сейчас отопью из него, то держать будет гораздо легче, я понесла его к губам.

Отпила и только отвела бокал от губ, как раздался хлопок, и что-то посыпалось с хрустальным звоном. На руке пузырилось шампанское, рождая приятную прохладу. Я крутила в пальцах странный предмет – стеклянную палочку, заканчивающуюся круглой подставкой. Откуда она у меня? Подняла глаза на Дракона – у того был совершенно очумелый вид. И тут же забеспокоилась. Кого-то не хватает. Где Макс? Где?

Маринка скакала по комнате, размахивая картонной трубочкой в яркой обертке. Из нее вылетело пламя, приглушенно хлопнуло. Я увидела, как Дракон с быстротой ящерицы нырнул под стол, и очередной раз икнула. В воздухе разлился неприятный запах горелой спички.

А потом меня с такой скоростью сдернули со стула, что в моем многострадальном мозгу что-то взорвалось. Икота застряла в горле, неприятно защекотало в носу.

Глаза Макса были очень близко. Можно было чуть потянуться и нырнуть в их голубизну.

– Спички детям не игрушка, – прошептали его губы.

Я ткнулась в такую надежную грудь и неожиданно заплакала... А потом Макс поднял меня на руки и понес. Вокруг все плыло, как в тумане. Любимый пытался меня раздеть. Я решила помочь, и все стало еще хуже. Я очень старалась

ничего не порвать. Так и не знаю, получилось ли у меня это. Макс сказал, что вернется, и ушел. Я окончательно застряла между двумя реальностями и упала на подушку.

Темно и холодно. С трудом разлепила глаза – я в комнате под своими двумя одеялами. А за стенкой накатывал волной родной голос. Потерлась щекой о подушку. Было совершенно неважно, что он говорит. Пусть говорит, говорит, говорит все время. Под песню твоего голоса я буду засыпать.

Неожиданная боль, как эхо от удара, зашевелилась в голове, медленно поползла от затылка, через виски, к глазам. Я села, спустив ноги на пол.

Наверное, я все-таки уснула, потому что, когда открыла глаза в следующий раз, на кухне уже было тихо. Слух успел только захватить стук закрывшейся двери. От этого звука по спине пробежали мурашки, забрались под волосы. Как неприятно! Дрожащими руками потянула одеяло на плечи.

Ушел? Макс ушел и оставил меня одну?

Вокруг нарастало ледяное поле. Одиночество давило на плечи, я согнулась, подбирая ноги. Одна... Почему одна?

Морозный ветер пронесся по комнате. Мое сердце остановилось.

Как он мог меня оставить? Сейчас, когда мне так плохо?

Холод накрыл голову, тупыми иголками засел в висках. От боли из груди вырвался неожиданный щенячий стон.

– Сейчас пройдет. – Макс поцеловал меня сначала в один глаз, потом в другой.

Никуда он не ушел. Почувствовал, что мне плохо, и вернулся. Нет, он всегда был рядом. Просто на минутку я потеряла его из виду.

Из-под ресниц скатились две слезинки, унося последние колючие льдинки боли.

– Все-таки Маринка ребенок, совершенно не понимает, что делает. Взорвала петарду в доме. Ты испугалась?

Вот что это был за грохот! Драконовой пиротехникой ребенок разбил мой бокал. Случайно? Вряд ли...

– Голова болит. – Как только Макс убрал руки, боль вернулась, начала ковырять сучковатой палкой в затылке.

– Ничего, ничего.

Незаметно для себя я оказалась на его коленях, согнувшись, спрятала голову на груди, а он все гладил меня и гладил. Проводил сильной уверенной рукой по голове, шее, спине, доходя до поясницы. Тут рука его чуть задерживалась, словно размышляла, не спуститься ли ниже, но потом снова взбиралась к макушке.

И стало так, как мне хотелось. Макс говорил, а я плыла по волнам его мягкого убаюкивающего голоса, покачивалась на перекатах.

– Они ушли гулять, – шептал он. – Дима за ней присмотрит. Я тебе обещаю, ничего больше не произойдет. Малышка не совсем понимает, что творит. Совершает поступки только для того, чтобы себе доказать, что она плохая. Ведь если вампир, значит, плохой... Даже если до этого была милым хоро-

шим ребенком. Verstehst du mich?³ Она играет в плохую девочку. Скоро ей надоест, и девочка станет сама собой. Одежда вампира ей еще слегка великовата.

Слова его были не о нас, но я снова всхлипнула. Попросила:

– Не оставляй меня.

Макс промолчал. За эту паузу сердце его успело один раз глухо стукнуть.

– Я так испугалась, когда ты ушел, бросив меня одну.

Хотелось плакать и жаловаться. На одиночество, на страхи, на Маринку, на него самого. Жалоб было много, но все поместилось в единственный тяжелый вздох.

– Не оставлю. – Его рука снова задержалась на поясе, скользнула под свитер. – Загаданные в Новый год желания сбываются. А ты загадала...

– Быть с тобой, – прошептала я.

И словно эхо, донеслось до меня: «Быть с тобой». Мы это сказали вместе?

Рука под свитером нагрелась, быстрые пальцы скользнули по спине, плечам. Я затаила дыхание.

Странно: после того как боль ушла, голове и телу стало легко. Я почувствовала невесомость всего, что во мне, что вокруг.

Жарко. Я потянула свитер через голову, запуталась в волосах.

³ Ты меня понимаешь? (нем.)

И снова он был совсем близко. Смотрел, говорил, улыбался. Я не слышала. Я только чувствовала, как нарастает внутри жар, как ширится во мне любовь, как я исчезаю в его глазах, словах. Меня больше не было. Я истончилась, превратившись в его дыхание.

Его руки, еще какое-то время прохладные, нагрелись. Он с силой проводил ими по моему телу, словно выдавливал воздух. И я не помнила уже, что говорила и делала. Только слушалась движения этих рук.

Глава III

Хмурое утро

Сначала я услышала звук – тонкий прерывающийся свист, словно где-то далеко с остановками работала дрель. Или как будто гудел комар. Очень толстый и очень тяжелый. Комар с одышкой. Перед очередной порцией гула ему надо было побольше втянуть в себя воздуха.

Чуть повернулась, телом чувствуя приятную истому. Двигаться не хотелось. Хотелось лежать долго-долго и не шевелиться. Воспоминание о прошедшей ночи заставило сердце забиться. Я заворочалась, закутываясь в одеяло. Открыла глаза.

В комнате стояли дневные сумерки. Если солнце появилось, значит, больше десяти утра. А вернее – ближе к полудню. В половине одиннадцатого оно встает, часа в два садится. Скоро опять будет ночь. Всего три часа света. Надо успеть ухватить солнце. Сегодня это будет не тусклое недоразумение сквозь тучи, а самое настоящее солнце. Белесый шарик повисит над горизонтом, подразнит лучами, поскачет отсветами по снежным ухабам и снова упадет за далекий лес. Уйдет куда-нибудь туда, где Африка и бегают дикие обезьяны. Им солнце нужнее. Они от мороза вымрут. А здесь все уже закаленные. Всем и так тепло. Особенно Максу.

От солнца мои мысли вернулись к приятно проведенной ночи, скакнули еще дальше. В памяти всплыл вчерашний праздник. Я резко повернулась.

На соседней кровати спал Дракон. Стол, как будто специально, оказался так отодвинут, чтобы мне было хорошо видно Димку. Тот лежал на спине, запрокинув голову, чуть приоткрыв рот, носом выдавая песню сна. Судя по безмятежному лицу, ничего страшного ему не снилось. Он улыбался. Так и хотелось накрыть это довольное пухлогубое лицо подушкой и слегка надавить.

Тоже мне, жрец нашелся, смотритель храма вампиров, властитель паяльника! Или на кого он там учится?

Благостное настроение улетучилось. Раздражение ласковой кошкой шмыгнуло на привычное место, поточило когти о мою душу. Мерзавец Сторожев! Нашел, когда приехать! Хорошо хоть ночью умотал куда-то, не помешал нам с Максом. Хотя Макс, думаю, помешать трудно. Он умеет делать так, чтобы его никто никогда не побеспокоил.

Я быстро оделась, плеснула на лицо теплой воды.

Макс всегда угадывал мое пробуждение, оставляя для меня в тазу на табуретке нагретую воду. Умывание Дракона будет холодным. И солнце за окном сядет. Так ему и надо!

Чувствуя себя как минимум злой пророчицей, я натянула кофту. В доме топилась печь, но со сна я постоянно зябла.

Макс сидел в кресле перед открытой дверцей печки и смотрел на огонь. Вампир, а любит огонь. Раньше меня это

удивляло, сейчас кажется, что они единое целое.

– Давай разберем печку и сложим камин? – Макс не отрывал глаз от языков пламени. – Станет уютней.

Ну, ну. Кошка в душе, расправив когти, провела первые борозды.

Уютней этот дом не станет никогда. И не потому, что я не страдаю хозяйственностью. Проявлять инстинкт гнездования в такой развалюхе бесполезно. Рыбацкая лачуга, дом-пятистенка, стоит близко от моря и совершенно не приспособлена для семейного счастья. Сюда нужно приезжать на время, брать лодку, снасти и уходить к горизонту за добычей. Здесь нельзя жить. Кажется, когда-то тут была деревня Сёмжа, но сейчас ее нет – умерла, забрав с собой жилой дух здешних мест.

Море затянуло льдом, засыпало снегом. Оно недовольно бухает где-то там, далеко, сливается с горизонтом, отчего кажется, что раз за разом на тебя сходит само небо. Дом стоит торцом к побережью, окнами смотрит на пустую снежную долину. От крыльца идет узкий темный коридор, заставленный сетями, батогами, коромыслами и ушатами. Поначалу я постоянно путалась, спотыкалась, чем вызывала бурную радость Маринки. Дверь, обитая войлоком, ведет на кухню. Здесь стоит большая русская печка, одним боком обращенная в комнату. Даже если бы меня не было, печка все равно топилась бы, потому что Макс любит смотреть на огонь.

На кухне стол, стулья, кресло, в котором сейчас сидит

Макс. На столике около электрической плитки шоколад и кофе. Из кухни дверь в комнату, большое гулкое помещение, рассчитанное на то, чтобы разместить на полу толпу рыбаков. Макс рассказывал, что раньше тут ничего не было – выбитые стекла, обтерханные стены, покосившиеся двери. Лео все поправил, вставил стекла. Не сам, конечно. Но теперь здесь все есть. Лео искал уединения, подготовил себе нормальное жилье. А тут мы пришли, помешали. Поэтому он отправился на поиски дальше.

Я включила конфорку, собираясь сварить кофе. Опомившись, глянула на стол. Он был чист. На углу стопка пластиковых коробок из-под салатов, две одинокие тарелки и один бокал. Второй вчера разбили, из остальных не пили. Слабо представляю Макса, моющего посуду. Еще меньше на роль посудомойки тянет Маринка. Про Дракона на время забыли. Остается предположить, что посуда вымылась «по щучьему веленью...».

Макс продолжал смотреть в огонь, как хороший семьянин в телевизор. Кофе в турке изображал полное равнодушие к тому, что его варят.

Кошка в душе снова шевельнулась.

– Ты молчишь... – повернулась я к любимому.

– Только что убили вампира. Где-то далеко-далеко отсюда. И у меня такое ощущение, что я этого вампира знаю.

– Лео?

– Не Лео и не Грегор. Кого-то другого. Это уже третье

убийство. Словно кто-то начал охоту.

– И что теперь? Надо бежать? Надо кого-то спасти?

Прижала руку к груди, прислушиваясь к себе. Нет, не волновала меня смерть неизвестных мне вампиров.

– Ничего. – Макс моргнул и в мгновение преобразился. Из лица ушла отрешенность и задумчивость. – Доброе утро! – Он с нежностью посмотрел на меня. Я научилась распознавать эти взгляды на его непроницаемом лице. Чужие не увидят никаких изменений. – Ты всю ночь спала, как ангел, не шевелясь. Наверное, тебе снились хорошие сны.

– Чего-то снилось, – невнятно буркнула я, возвращая свое внимание турке.

На фоне спокойствия Макса я себя чувствовала настоящей мегерой. Даже пожаловаться не на что, ничего не болит. А хочется. Убитый вампир еще секунду занимал мою голову, а потом я его выкинула. Не до него.

– Хорошо было ночью, – добавила, краснея.

Макс снова посмотрел на меня. Долго. Очень долго. Щеки мои стали пунцовыми. Черт, до сих пор стесняюсь всего того, что между нами с Максом происходит.

– Ты сегодня на улицу не пойдешь? – перевел он разговор.

Кофе булькнул, выпуская белесый парок. Кошка зашипела и стала драть мою душу в мелкую лапшу, напоминая, что мы здесь не одни.

– Через час выйду. – Хорошее настроение улетучилось. – Где Маринка?

Я еще пыталась сдерживаться. Сжала кулаки, задрала голову вверх. Спокойно! Или, как сказал бы любимый: «Ruhig!⁴» Первый день нового года, сидим и пьем кофе, беседуем. Идиллия.

– Она еще с ночи ушла. – Макс даже головы в мою сторону не поворачивает.

– А этот когда угомонился? – кивнула я в сторону комнаты.

– Не заметил. Ты спала, я был рядом. Дима пришел и сразу лег. Все еще мечтает стать вампиром. Даже не смешно. Если он согласился приехать сюда в надежде, что Маринка осуществит его мечту, то он ошибся.

– Она на это не способна! – Во мне проснулось злорадство.

– Да. И никогда не сможет. Чтобы сделать другого вампиром, надо выпить у него ровно столько крови, чтобы человек умер, и успеть вовремя напоить умирающего своей кровью. Для такого нужно иметь выдержку, которой в Маринке не будет никогда. Она ребенок со всеми присущими ее возрасту эмоциональными всплесками, яростью и не устоявшими представлениями о мире и о себе в этом мире.

– Остается разозлить тебя.

– Если меня разозлить, я убью. Не представляю, как может состояться превращение, когда вампир не желает этого делать. Все не так просто, как кажется нашему маленькому

⁴ Спокойно! (нем.)

властителю тьмы.

Что-то зашипело, и я сначала подумала, что на меня обваливается потолок, и посмотрела на него. Оглянулась на дверь в комнату. И лишь потом запоздало вспомнила о кофе. Со всем из головы вылетело!

Бурлящий, полный коричневых перепуганно носящихся частичек напитков медленно оседал. Макс встряхнул турку, сбивая пену. Успел! Не заметила, как он пролетел через комнату.

Захотелось ударить по его белой руке, чтобы кофе пролился. Как просто вампиры обо всем рассуждают – кто что может, кто нет... Хоть бы меня кто-нибудь о чем-нибудь спросил! Чего я хочу во всей этой истории!

– Что произошло?

Почувствовав мое состояние, Макс отошел в сторону, покачивая туркой, словно искал, куда бы налить кофе.

Чтобы немного успокоиться, я резко выдохнула, взяла чашку, направилась к столу, всей кожей чувствуя, как любимый смотрит на меня, от чего еще больше злилась.

– Ничего не произошло! – слишком громко для такого утверждения бросила я, падая на стул и пряча лицо в ладони.

Села, поставила перед собой чашку. Спрятала лицо в ладони. Теперь Макс будет смотреть на меня, пока не отвечу. Мхом зарастет, корни пустит, а дождется. Что же он смотрит? Проверяет наличие необходимых частей? Рук, ног, головы? Но я не могу ничего объяснить. Просто еще вчера у

нас все было хорошо, а сегодня уже плохо. И виноват ли в этом Дракон, убитый вампир или кто-то еще, я не знаю.

– Тогда с Новым годом! – прошептал Макс, целуя меня в макушку.

Кофе полился в чашку. По кухне поплыл знакомый нежный аромат, чуть горьковатый, с нотками кардамона. Этот кофе мне нравится больше предыдущего. Макс приносит разные сорта. И хоть я уже готова остановиться на последнем, обещает достать еще. Раньше мне казалось, кофе может быть только один – горький, с резким вкусом, с кисловатым послевкусием. Растворимый. Такой я и пила. Самой странно, как он мог нравиться.

Я подержалась двумя руками за бока чашки, возвращая своей взбаламученной душе состояние покоя. Макс через пакет ломал крошащийся твердый сыр. Комте, Проволоне, Мерцлер, Чеддер – я уже запуталась в сортах сыров, которыми угощает любимый.

Пакет шуршал. Пальцы действовали быстро, без напряжения.

Я оттолкнула чашку, плеснув горячим напитком через край. Схватила Макса за руку, прижала ладонь к щеке. Решить мою проблему нельзя. От нее можно только бежать.

– Давай уедем отсюда! Прямо сейчас. Оденемся и уйдем. Пускай он проснется без нас.

Макс не отвечал. Стоял, глядя в окно, к чему-то прислушивался.

– Раню. – Его слова прижали меня к столу. – Марине надо освоиться, стать самостоятельной. Ее нельзя пока оставлять одну.

– Она никогда не станет самостоятельной! – Я вырвалась из-под его рук, которые он успел положить мне на плечи. – Она – ребенок! Ты теперь обречен таскать ее за собой!

– Она вампир и скоро всему научится. Найдет своих, и все успокоится.

– Кого она здесь найдет? Других вампиров? – Мне вдруг вспомнились слова Дракона о том, что через Маринку можно выйти на более стоворчивых любителей человеческой крови.

– Не обязательно вампиров. – Макс расправил пакет, делая из него импровизированную тарелку. – Свою стаю.

– Она ее уже нашла. С тобой во главе!

Да, да, именно этого я боялась больше всего. Любимый спас Маринку от смерти, сделав вампиром, тем самым обрекая себя на присутствие вечного спутника. Мелкого и надоедливового.

– Начитанная леди, ты путаешь романы и жизнь. Энн Райс⁵ – это фантастика, никакого трио не будет.

– А что будет? Маринка избавится от меня, и у вас будет дуэт? – Рукой я попала в кофейную лужицу и вновь почувствовала нарастающее раздражение.

⁵ В романе Энн Райс «Интервью с вампиром» три главных персонажа – вампиры Лестат, Луи и маленькая Клодия, которая не может жить отдельно от вампиров по причине своего юного возраста.

– Опять воюешь? Отложи меч, войны не предвидится.

Макс склонился надо мной, но мне не хотелось защиты, мне хотелось ответов на мои вопросы.

– Тут никто не воюет! Тут все потихоньку ведут свою игру, плетут интриги. – Я отодвинулась, снова хватаясь за чашку. – Вспомни, Сторожев чуть тебя не убил! Прогони его!

– Маша, тебя послушать, так весь мир настроен против нашей любви...

Его рука скользнула по моим плечам, пальцы зарылись в волосы. Я потерлась затылком о его прохладную ладонь.

– Как будто это не так, – проворчала я.

Милый мой! Любимый! Единственный на свете! Неужели ты уже забыл, как вытащил меня вчера из-под петарды? Неизвестно, что еще бы придумала Маринка, не выгони ты ее на улицу. А Дракон? Хочет стать вампиром, чтобы кем командовать? Людями? Вампирами? Каждый здесь разыгрывает свою партию. И наша задача не подыграть им. А еще мне кажется, что тебе, мой дорогой, все это тоже зачем-то нужно.

– Маша, ты из гусеницы превратилась в бабочку, а все еще продолжаешь грызть вокруг себя листья. Оглянись! За тобой никто не гонится. Мы одни.

– А вот и не одни! – поймала я его на слове. Чертовски приятное занятие, но бесполезное. Макс отлично отдает отчет своим словам. Про «одни» он сказал не просто так.

– Еще скажи, что в Уругвае дети умирают от голода.

– А они умирают?

– Тебе принести зеркало?

– Нет!

Всего одна ночь родила во мне несколько фобий – во-первых, оливье (никогда больше не стану его есть), во-вторых, шампанское (ни разу больше не пригублю) и, в-третьих, зеркала. Теперь я всегда буду ждать, что из серебряного небытия ко мне шагнет моя судьба. Надеюсь, она перестанет принимать образ непонятого старика.

– Макс, – жалобно позвала я. – Скажи, что все будет хорошо.

– Все будет так, как захотим мы. Замечательно будет. Остальное всего лишь декорация к нашей пьесе.

Я была другого мнения, но промолчала. Второй день живу в состоянии постоянной тревоги. Как будто над нашим домиком собирается грозовая туча. Что-то готовится. Где-то кого-то уже убивают. Боги провели смотр боевым колесницам, бряцает оружие. Интересно, за кого они выступают?

Я стала грызть кусочек сыра, пытаюсь прогнать навалившееся раздражение. Что происходит? С чего я нервничаю? Должны начаться месячные? Вроде бы нет. Да и не реагировала я так на это раньше. Разве начало личной жизни может так сильно менять организм, что тебя начинает бесить то, к чему раньше ты была равнодушна? Если я, конечно, не беременна. Но беременной я не была. Или?..

Макс утверждал, что вампиры не оставляют потомства. И как бы я его ни любила, хорошо помнила, что он не со-

всем человек. Его форма существования не смерть... Но и не жизнь. От таких, как он, дети не рождаются. Вот когда я ему верну жизнь, тогда посмотрим. А пока...

Нет, тут что-то другое. Видимо, во мне просыпаются новые таланты, подаренные Мельником. Я уже стала лучше видеть. Реакция, конечно, не такая, как у вампиров, но интуитивно я уже многое чувствую, начинаю «считывать» людей, порой удается перехватить ниточки дальнейших отношений, конфликтов, увидеть грядущие болезни. Например, это место. Когда-то здесь произошло что-то страшное. В воздухе еще нет-нет да слышатся какие-то крики, стоны о помощи. Не зря Лео приехал сюда. Вампиров тянет в такие места.

– Все изменилось, и ты меняйся, – прошептал любимый, глядя меня по щеке. – Учись жить, а не бороться.

Он улыбался. Смотрел на меня прозрачно-голубыми глазами, за которыми пряталась бездна. На секунду появилась мысль, что лучше не спорить, чтобы не расстраивать его, но я тут же ее забыла. Мы любим, а значит, научимся друг друга понимать. И пускай он сейчас смыслит во всем больше моего. Я его догоню. Мы станем с ним равны. Дожевывая сыр, я забралась к Максиму на колени.

– Хочешь, чтобы я в Драконе видела Деда Мороза, пришедшего к нам на новогодний праздник? – прошептала я ему в ключицу.

Больше всего мне нравилось его целовать в эту ложбинку с бархатной кожей, чувствовать упругое биение жилки под

ней, ощущать прохладу, согреть любимого своим дыханием, чувствуя, как в ответ по моей спине пробирается знакомый озноб, закапывается в волосы, от чего хочется только сильнее прижаться к любимому, испытать на себе вечную неиссякаемую силу вампира...

– Ты мне чем-то напоминаешь Маринку, – оторвал меня от поцелуя любимый.

– Еще скажи – Катрин! – раздосадованно закусила губу.

– Всех перечислила или кого-нибудь забыла?

Макс пересадил меня на стул, явно собираясь снова углубиться в созерцание огня. Я рассерженно сузила глаза. Во-первых, отошел. Во-вторых, зачем-то стал меня сравнивать с Маринкой. В-третьих...

– Катрин тут ни при чем, – словно что-то вспомнив, произнес Макс. – Все остальные тоже. Уехать сейчас мы не можем. Пообещаю одно: если Сторожев будет тебя сильно допекать, я выставлю его за дверь. Пускай ночует в Мезени. Там есть гостиница. Допивай кофе, у нас есть дело.

Дверца печки захлопнулась.

Я машинально посмотрела в окно. Солнце садилось. Его равнодушные лучи освещали прощальным блеском снега, отражались от мягких сугробов разноцветной радугой.

– Завтра будет холодно. Начнутся ветра и снегопады. Самое время размяться.

Незаметно для себя я съела чуть ли не весь сыр из пакета. В сочетании с кофе он был чудесен. Первый завтрак в новом

году удался. Противная кошка раздражения убралась из моей души. Осталось залечить оставленные ею раны, и жизнь снова наладится.

– Мы пойдем гулять?

– Нет, мы поедем кататься. – Макс прошел к двери. – Русской тройки с бубенцами не обещаю. Лошадей будет немножко больше.

– Машина?

Я спешно скручивала пакет, смахивала со стола крошки. Без возможности выбраться отсюда самостоятельно я чувствовала себя в нашем милом романтичном домике немножко пленницей.

– Лучше! Сто пятьдесят четыре лошадиные силы, объем двигателя восемьсот кубиков – снегоход, на котором вчера приехал Сторожев. Не представляешь, сколько я потратил времени, чтобы это чудо техники оказалось в богом забытом городке Мезень в прокате. И чтобы его выдали за час до Нового года. А наш «хозяин зла» даже не заглянул в кофры, где лежит снаряжение. Поманили его, он и помчался. Тоже мне, новое развлечение для маленькой девочки...

Макс развернул передо мной белоснежный сверток, оказавшийся комбинезоном. Пакет с остатками сыра выпал у меня из рук.

– Это мне? – выдохнула я.

– Одевайся, а я принесу шлем. Торопись, пока еще хоть что-то видно!

Будет еще и шлем? Ого!

А кому должно быть видно? Мне? Да я с закрытыми глазами за Максом пойду! Ему же все равно, что день на дворе, что ночь.

– Спасибо! – Я повисла у Макса на шее, снова ткнулась носом в ключицу. – Спасибо, – сказала мерно бьющейся жилке. И поцеловала ее. Родилась шальная мысль ненадолго отложить поездку, чтобы воспользоваться сном Дракона, но... я не стала об этом говорить. Хорошего понемножку.

– Я сейчас, – шепнул Макс, но отпустил меня не сразу. Поставил на ноги, задержав в ладонях мое лицо, прикоснулся губами к глазам. А потом стремительно отвернулся, ушел. Сердце мое заполошно застучало следом.

Ну что же, самое время переодеться.

Влезать в комбинезон было неудобно. На мгновение я почувствовала себя неповоротливым ребенком. Мама собирает меня на прогулку, легко встряхивает внутрь ватного комбинезона...

Память детства помогла, я справилась с неудобной конструкцией, застегнула «молнию». Так, космонавт к выходу в открытый космос готов...

Ботинки были белые, подошва желтая с глубоким протектором. Тяжелый шаг глухо отдавался по дому. Не разбудить бы Дракона...

Снег еще искрился прощальными бликами солнца, долина превратилась в контрастный черно-белый рисунок с

длинными тенями. За домом старательно тархтел мотором снегоход, похожий на разбуженного злобного монстра, рычанием встречающего своих хозяев.

Я не ожидала, что чудо техники окажется таким большим. Снегоход мощно опирался на две передние лыжи, задняя цепь закопалась в снег. Красный корпус, на боку белой змеей извивается дракон. Чтобы сомнений в принадлежности к семейству хладнокровных у этого наследника вымерших динозавров не оставалось, внизу так и было написано «DRAGON».

– Дракон? – переспросила я. – Сторожев успел раскрасить снегоход?

– Это официальное название.

Макс оглаживал железные бока машины, словно руками проверял ее готовность к работе.

– Посмотрим...

Он показал на мелкую надпись сбоку сиденья.

– «Polaris», – прочитала я.

– «Полярная», – перевел Макс. – Звезда в созвездии Малой Медведицы. Как раз для нас. Мы сейчас двинем на север.

– Курс на Полярную звезду?

– Вообще-то север будет чуть в стороне, но общее направление правильное. Если взять курс точно на север, попадем на полуостров Канин, на мыс Канин Нос. Это за Северным полярным кругом. Там еще темно!

Я покосилась на небо. Солнце не успело скрыться за го-

ризонт, но над морем уже набухал высокий, сочный ночной свод. Он был густой, как пережженная вареная сгущенка. В первый же день я заметила плотность северного неба. В средней полосе небо, если нет облаков, высокое, легкое и прозрачное. Здесь оно плотное, словно утепленное, и свет звезд пробивается, как сквозь полупрозрачный потолок. Звезды были еще не видны, но наверняка где-то там, над морем, уже загоралась та самая, Полярная, чьим именем названа машина.

– Мы сбежим отсюда? – Мне очень хотелось именно так и сделать. Но тогда надо подготовить вещи, забрать многострадальный аттестат об окончании школы, который месяц лежачий в моем рюкзаке.

– Когда-нибудь обязательно. – Макс легко развернул снегоход в сторону снежной равнины. – На самом деле Полярная звезда состоит из трех звезд, расположенных друг к другу очень близко. Все они называются Полярными. А раньше на север показывали Вега из Лиры, Тау Геркулеса, Йота Дракона. В трехтысячном году «полярной» станет звезда Альраи, гамма Цефея. – Он выпрямился. – Осталось всего ничего, какая-то тысяча лет. Подождем?

– Не пропустить бы! – Оперировать тысячелетиями было непривычно. – За всеми нашими делами может забыться. Что там по списку дальше?

– Альфирк, бета Цефея, – ответил Макс, даже на секунду не задумавшись. Наверное, у него в голове заложено назва-

ние всех книг, что он успел прочитать за полтора столетия, и отпечатана каждая страница.

Меня стала бить мелкая дрожь. То ли замерзла, то ли... волнуюсь? С чего бы?

Макс что-то такое сделал, и машина взревела. Долина съехала, оглохнув. Несмелые звезды затрепетали.

– Смотри! – быстро заговорил Макс, рукой показывая на какие-то детали. – Вот газ. Здесь тормоз...

– Без тебя не поеду!

Вот почему меня знобило – я словно предчувствовала, что Макс так поступит. Что когда-нибудь, не обязательно сейчас, мне придется вести рычащее страшилище самостоятельно.

– Сначала поедешь со мной. Научишься, отпущу одну.

Он объяснял мне, держась двумя руками за руль, и только сейчас я заметила, что Макс вышел на улицу в одном свитере. Я сунула руки в перчатки. Спокойно! Вампиры не мерзнут.

Макс уже сидел на скрипевшем от мороза сиденье, замерзший мотор недовольно фырчал, выбрасывая вонючие выхлопы газа. Белесый дымок стелился по снегу, утекая за дом.

– Только не очень быстро, – несмело подошла я к грохочущему зверю.

– Наоборот, – Макс сгреб меня, усаживая за своей спиной, – очень быстро! Сторожев проснулся!

Машина рванула вперед. Я на мгновение взлетела в воз-

дух, упала обратно на сиденье, резко придвинулась к Макс-у. И лишь потом меня догнал испуг – я чуть не свалилась. Но бояться уже было некогда. Снегоход снова дернулся, увеличивая скорость. Белая рука Макса на ручке управления повернулась. Его волосы с легким шелестом били по стеклу шлема, а я все никак не могла отвести глаз от его белой руки, словно заклинала его – не надо, не торопись.

То ли ветер стал дуть сильнее, то ли скорость стала больше – в какой-то момент почувствовала, что мы летим. Навстречу неслась Земля. Она плавно подставляла свой бок под наши лыжи, несильно подбрасывала на ухабах. Я оглянулась. Солнце следило за нами недовольным взглядом, а мы мчимся прочь от него, и светило хваталось за край горизонта, чтобы наш грохот не столкнул его в ночную бездну раньше времени.

– Ну как?

От шума мотора я немного оглохла. Но вопрос был прост, его не надо было слышать.

– Супер! – Даже если шлем глушил голос, Макс все понял и без слов.

– Тогда сейчас сама!

«Дракон» фыркнул, останавливаясь, я навалилась на Макса. Он соскользнул в снег, уступая мне место водителя.

«Ой!» – только и успело сказать мое съездившееся от страха сознание. Но я уже чувствовала под перчатками рубчатую поверхность рукояток. Где-то внутри страшного агрегата сто

пятьдесят коней били копытами, требуя движения.

– Самое сложное – трогаться. – Макс стоял рядом. Сквозь стекло шлема мне казалось, что его щеки покраснелись. – Я разгоню машину, а дальше ты сама.

Я бестолково кивала, совершенно не понимая, что он говорит. Надо было что-то отпускать, на что-то жать...

– Газ резко не бросай! – Машина вновь рычала, готовая ринуться вперед. – Все! Пошла!

Макс стоял перед снегоходом, двумя руками держа ручки руля. Сквозь свои перчатки я ощущала его сильные пальцы. Когда они вдруг исчезли, мне тоже захотелось убрать руки, но Макс уже оказался рядом, стоя на каком-то миллиметре подножки.

– Держи! Держи! – орал он мне в ухо.

Сейчас это был не спокойный, рассудительный вампир, каким мой любимый являлся всегда, а веселый мальчишка, сбежавший из школы. Он с азартом учил меня, и его удовольствие легко передалось мне.

– Газ добавляй!

Его голос звучал не со спины, а рядом. Макс бежал, легко касаясь снега. Лицо стало совсем белым, глаза смотрели на горизонт.

– Следи за дорогой! – напомнил он, неожиданно уходя в сторону. И я вспомнила, что на машине одна, что надо сосредоточиться.

Макс легко обогнал снегоход, забирая дальше от мо-

ря. Я начала добавлять газа. Машина благодарно зарычала, словно заржал застоявшийся в загоне конь. Я склонилась, уменьшая сопротивление воздуха.

– Schneller! – донесся до меня голос любимого.

Я оторвала взгляд от бегущей передо мной снежной дорожки. Макс в своем сером свитере сливался с долиной. Я не всегда видела его, такие стремительные броски он совершал. А потом встал передо мной, приспособившись к скорости снегохода. Я ехала за ним, как на веревочке. Макс сворачивал, и я поворачивала руль, он припускал, и я чуть меняла положение руки, тогда мотор начинал реветь, топя всей своей кавалерией. Но вот Макс вырвался вперед, и в темноте мне привиделось, что он превратился в волка. Я хорошо разглядела стелющийся над землей пушистый хвост, белые подпалы на мерно взлетающих ляжках, призрачную линию спины. Волк повернул морду, проверяя, следую ли я за ним...

Руки опустились сами. Машина фыркнула, вырываясь из-под меня, крутанулась, закапываясь в снег. Испугалась я уже на земле. Снегоход, задрав вверх вращающуюся цепь, недовольно повизгивал, успокаиваясь. Макс сидел рядом, обнимая за плечи.

– Mein armes Mädchen... Говорил же, резко газ не бросай.

Дышать стало нечем. Я стянула шлем, всмотрелась в бледное лицо над собой, не в силах представить, как ухитрилась в любимом увидеть зверя. Рука потянулась к его щеке. Черная перчатка напомнила о звериной лапе, и я быстро ее сняла.

– Мне показалось, ты превратился в волка.

Макс чуть усмехнулся.

– Только показалось. В тебе просыпаются силы колдуна. – Он помог мне встать. – Хотя для окружающей природы я, конечно, зверь.

– Какие глупости! – Еще не хватало мне видеть в любимом представителе семейства псовых...

Макс вытащил машину из снега, поставил на лыжи, провёл рукой по сиденью.

Ноги не несли меня к затихшему чуду техники. Может, хватит экспериментов?

– Но ты же говорил, что вампиры могут перекидываться в волка! – напомнила я, вновь напяливая на себя шлем – без него было зябко.

– Могут. – Мотор взревел. – Но я не буду. – Макс сел, кивком приглашая меня устраиваться у него за спиной. – Для этого надо разбудить в себе зверя. А у меня теперь никогда не получится.

– Из-за меня? – Я быстренько села на сиденье, пока он не предложил мне вновь покататься в одиночестве.

– Из-за тебя. Держись!

Цепь вгрызлась в снег. Белые комочки выбились из-под заднего брызговика, дождем застучали мне по спине.

Макс поддавал газу, не пуская машину вперед, словно ожидал, когда выйдут подкрылки, чтобы взлететь.

И мы взлетели. В первую секунду я зажмурилась – с та-

кой скоростью придвинулась ко мне поролоновая чернота. Но потом вспомнила, что на мне шлем и бояться нечего. Летящая вокруг бесконечность вскружила голову, дышать стало тяжело – легкие сдавило, и я завопила от восторга. Макс припал к рулю, добавляя скорости. А я, наоборот, выпрямилась. Воздух ударился в грудь и рассыпался песком. Закинув руку назад, Макс держал меня, а мне хотелось оторваться от земли, от нагретшегося сиденья. Захотелось, чтобы рычащий драндулет и правда превратился в дракона. Могучего и огромного. Вот он вытягивает шею, расправляет перепончатые крылья, и тонкая кожа крыла трепещет на ветру... Я чувствую, как работают сильные мышцы, какая мощь прячется в этих тонких на вид крыльях. Взмах, другой. Мы двигаемся вперед резкими толчками. Жух, жух – свистит воздух под нами. Дракон наклоняет голову, кожаные перепонки с треском складываются, крылья собираются в острые треугольники, и мы несемся к земле...

– Йййй!

Крик на высокой дрожащей ноте вернул меня к реальности. Выпадая в раздражающие децибелы, он рвал барабанные перепонки. Я припала к Максусу. Машина дернулась, зарычала и прыгнула вперед. Мне показалось, что лес наступил. Быстрые прозрачные тени мелькнули рядом. Я разглядела грустные тонкие лица, опущенные глаза. И вдруг, прорывая эту неверную пелену, вперед вышел старик с всклокоченной бородой, с пронзительными злыми глазами. В руке

у него было что-то... Плетка! Старая плетка, какой в советских фильмах веселые пастушки гоняют коров. Старик угрозил мне деревянной рукоятью...

– Смотри! – Макс выбросил левую руку в сторону, показывая на что-то.

Я оторвала взгляд от старика, и все тут же исчезло. Передо мной тянулись белесые болота, по кромке неслась быстрая фигура.

Крик тревогой засел в голове, сердце испуганно колотилось где-то на уровне горла. Старик с призрачными девушками забылись.

– Ййййээээ! – тянулось за нами.

Сквозь этот крик я слышала, как Макс смеется. Он так редко это делал, что мне захотелось немедленно увидеть его лицо. Я потянулась вперед, привставая. На мое движение Макс повернул голову. Что-то крикнул. Но мы ехали так быстро, что его слова пролетели мимо меня раньше, чем я смогла что-то услышать. Макс мотнул головой влево.

Вровень с нами мчалась фигура. В первое мгновение я подумала, что это Дракон – проснулся, не нашел своего Боллиара и побежал на разборки.

Но это был не Сторожев.

– Маринка! – завопила я, узнавая девочку. – Вернулась!

Макс кивнул и повел машину направо, уходя от вампирши.

Маринка снова заверещала и бросилась нам наперерез. Ее

короткое светлое пальто мелькнуло перед нами. Макс заложил резкий вираж, меня тряхнуло, и я стала меньше следить за стремительно перемещающейся фигурой, крепче вцепившись в каменные плечи любимого.

– Сейчас обманем!

Макс заставил машину взречь, выбраться из сугроба и помчаться прямо к морю. Маринка, бежавшая в противоположную сторону, вынуждена была догонять. Стоило ей поравняться с нами, как Макс бросил машину в ее сторону, затирая в поднявшийся снежный ураган. В меня вцепились крепкие пальцы.

– Ййййэх! – заорала Маринка.

Она запрыгнула к нам на подножку, схватив меня за руку. В ее глазах сидело сумасшествие. Я снова прижалась к Макс, испугавшись, что девчонка меня сбросит. Макс склонил голову, прижался щекой к моей перчатке, давая понять, что сейчас избавится от лишнего пассажира.

Цепь завизжала, снегоход пошел в одну сторону, в другую, вильнул еще раз и лег на бок. Маринка слетела с подножки, но все еще держалась, вцепившись в меня со всей силой. Но тут машина накренилась в другую сторону, подбрасывая ее легкое тело, и девчонка была вынуждена отпустить меня, чтобы не оказаться под машиной. Мне почудилось, что Маринка зарычала от ярости.

– Макс! – крикнула, понимая, что следующей в снегу окажусь все-таки я.

Меня грубо припечатало к его спине, я врезалась шлемом по затылку любимого и мгновенно оглохла от навалившейся тишины. Мы остановились.

Маринка стояла перед снегоходом, вцепившись в руль.

– Давай еще!

Ее волосы, полные снега, воинственно торчали над маленьким личиком. С пальто пластами отваливался спрессованный от бешеной скорости снег.

– Бензин кончается. Сгоняешь на заправку?

– Кто сжег, тот пускай и заправляет. – Маринка опустила руки. Секунду постояла на месте, прикидывая выгоды и проигрыш от создавшейся ситуации, и умчалась к виднеющемуся вдалеке домику.

– А что, правда кончается? – попыталась я хоть что-нибудь рассмотреть в бесконечных стрелочках и огоньках на приборной доске. До дома было еще порядком. Я не сомневалась, что Макс меня донесет. Но был еще драндулет. Не хотелось, чтобы любимый надрывался, волоча его на себе.

– На нас хватит.

Звук мотора показался мне долгожданной музыкой – после шума тишина давила на уши. Когда мы подъехали, Маринки не было. Зато нас встречал мрачный Дракон.

Глава IV

Северная зажигалка

– Так нечестно!

Дима Сторожев был похож на маленького мальчика, обделенного сухариком. Укутался в свою длинную куртку-доху, надвинул на нос капюшон – стоит, обижается.

– Чего вы все сбежали-то? – спросил он, плотнее запахиваясь и крепче перекрещивая руки.

Стихи на ум пришли непроизвольно, уж больно парень сейчас был смешон.

– Грозный, черный демон бури! Он смеется и рыдает! Он над тучами смеется! Он от радости рыдает! – проорала я, вбегая на крыльцо.

Шлем, комбинезон – все это, конечно, хорошо, но я подзамерзла.

– Вы где были? – шел за мной следом Дракон.

– Катались.

Я присела около печки. Дрова прогорели, и теперь каждый кирпичик отдавал тепло. Надо поставить чайник. Закипит мгновенно.

– Где катались? – Дракон нависал надо мной. От него тянуло холодом. словно все то время, что мы отсутствовали, он высматривал нас на горизонте.

– Везде!

Прикасаться к нему не хотелось, но иначе парень не сдвинулся бы с места. И мне пришлось отодвинуть изваяние под именем Дима Сторожев, чтобы взять чайник.

– Я думал, вы меня бросили. И снегоход угнали.

Чай! Да, это то, что мне сейчас нужно!

– Подумаешь, двадцать километров пешочком прогулялся бы... – Дразнить Дракона было одно удовольствие.

– Ну ты чего? С вампирами против людей, что ли?

Дима шел за мной по пятам. Проверил, что я действительно наполняю чайник. Желая позлить его, подержала над водой руку. Пускай будет заговор на... склероз. Чтобы Дракон выпил чай из этой воды и забыл о нашем существовании.

– Предаешь своих, – голосом злой бабки-вещуньи прошептал Сторожев. – Они тебя обманут, ты не заметишь!

– Тебе никаких успокаивающих порошков из больницы с собой не дали? Время приема лекарства не пропустишь?

Я пыталась понять градус сумасшествия в стоящем передо мной человеке. Мой внутренний психометр показывал сто процентов. Хоть Сторожев и выглядел совершенно здоровым парнем, но это только внешне.

– Ты ведь все человечество кидаешь! Встаешь на сторону векового врага! – напряженно шептал он, словно боялся, что его услышат. Пафоса в его словах было на два митинга и три фильма о последних днях Терминатора.

– Говори, говори, – поддакнула я, помня о том, что с пси-

хами лучше не спорить.

Дима обиделся. Он вообще очень легко обижался.

– Зря смеешься. Человечество тебе за это спасибо не скажет.

– Дать тебе пару уроков подобного «предательства»? – Я отвернулась к столу, поискала шоколад. Куда этот «покоритель хладнокровных» дел целую плитку? Она была последней! – Сам ведь хочешь переметнуться на их сторону.

Все, не быть ему вурдалаком столетия. Умрет бесславной смертью, обожравшись сладостями.

– Вкусно было? – Я наконец нашла ошметки фольги под столом. – А ты знаешь, что от конфет зубы выпадают? Без зубов тебя в вампиры не запишут.

– Завтрак туриста! – Дракон демонстративно цыкнул зубом. Белым таким, крепким. – Вас долго не было.

Так бы и дала ему пинка, чтобы он отправился искать Лео и без шоколада не возвращался. Кстати, и свое желание туда передал. Может, Лео к тому моменту поесть еще не успеет. Вот и поговорили бы о вечном...

Поняв, что патетикой меня не пробьешь, Дракон сменил тактику. Стал ходить за мной тенью, заглядывать в лицо. Макс, как назло, остался с Маринкой на улице. Отрабатывают очередную порцию смертоносных ударов? Могли бы здесь порепетировать. Тут кандидат созрел.

– Ты что, не понимаешь, что они не могут ни с кем не общаться? Они не могут быть одни!

Сторожев оказался на редкость назойливой и болтливой тенью. Прищемить бы ее чем-нибудь. Например, дверцей шкафа. Жаль, у нас нет подходящего шифоньера! Да и вообще никакого нет.

– Если тебе надо что-то выяснить – иди, выясняй! – Я кивнула в сторону окна – легкая тревога говорила о том, что Маринка недалеко.

Дракон вцепился в мою руку, так что я ахнула от боли.

– Помоги мне, и я не буду тебе надоедать.

– Тебя рано из дурдома выпустили! Ты полный псих! – крикнула и сама ахнула, вдруг увидев наступившую на меня черноту. Я шагнула в сторону, воздух в легкие входил с трудом. Неужели я так теперь всех буду чувствовать?

– Ты не понимаешь! Они здесь для чего-то! – завопил Дракон, звуком своего голоса прогоняя мое наваждение.

Где Макс? Почему не слышит его вопли? Давно бы уже пришел и вышвырнул «повелителя дум» за дверь.

– Ты бредишь. – Я шептала, а хотелось кричать. Кричать, чтобы Сторожев немедленно отошел от меня как минимум на метр. Перед собой я видела бледное лицо, угреватую кожу, обветренные губы, бегающие карие глаза.

– Гурьева, это не бред! Все по-настоящему!

– Ничего ты здесь не найдешь!

– С чего вдруг? Знаешь, кто ищет...

– Место такое... Нехорошее. Скорее Смотрители придут, чем вампиры.

– Где Смотрители, там и вампиры. У вас же теперь дружба.

Я хмыкнула. Эта земля знала цену такой «дружбе». Когда я бывала одна, на меня порой накатывал ужас. Но он был не мой – тех людей, что здесь когда-то жили. А потом сбежали. Кто успел. Надо расспросить Макса, что же здесь все-таки произошло.

– Отправлялся бы ты домой, – посоветовала я Дракону. – Здесь нельзя останавливаться надолго.

– Сами убирайтесь! – заорал он запальчиво. – Если вампиры были, они еще придут.

– Я тебя предупредила, – и, чтобы Сторожев больше своими воплями меня не доставал, мысленно поставила между ним и собой стену. Хорошую такую, кирпичную, с белыми линиями соединения. Пускай теперь бьется об нее лбом.

Дракон качнулся назад, посмотрел на меня так, словно оценивал, достойный я боец или нет.

– Мельник тоже все предупреждал. – В его улыбке появилось что-то демоническое. – Говорил, что появление Макса многое изменит, что начнется глобальное перераспределение сил. Ну? И где это? Пророки из вас, колдунов, плохие. Если кто-то и способен здесь что-то сделать, так это я.

Чайник засипел, зашуршал, как опадающие листья дуба.

– Кстати о Мельнике. – Пришла пора сбить с этого наглеца пафос. – Ты собирался чему-то меня учить. Начинай.

– Сейчас не время, – важно сообщил Дима.

– Ну, конечно! А когда оно наступит?

– Время? – Дракон подошел вплотную.

И вдруг снова нахлынуло: комната, печка, стол – все исчезло. Передо мной было серое, перекошенное яростью лицо, скрюченные руки тянулись ко мне.

– Макс! – вскрикнула я, пряча лицо в ладони.

Чего я боюсь? Показалось! Мне все показалось!

Я опустила руки. Макс стоял рядом. Дракон сидел на полу под вешалкой. Вид очумелый. Он тоже не ожидал от вампира такой скорости.

– Психованная! – зло прошипел Сторожев.

– Хочешь вернуться обратно? – холодно спросил Макс.

– Ты знаешь, чего я хочу! – огрызнулся Дракон.

– Макс, отправь его отсюда! – попросила я.

– Всем приятного аппетита. – Любимый пропустил мою просьбу мимо ушей. – Маша, ты будешь пить чай?

Сторожев нехотя поднялся, скинул доху.

Сердце колотилось, я никак не могла продышаться. Надо закрываться от таких видений. Если все события, что должны происходить с людьми, принимать на себя, можно свихнуться.

– Буду, – хрипло заговорила я. – Уже чайник поставила.

– А про Мельника я не соврал. – Дракон строил из себя обиженного. – У меня и тетрадка есть.

У Сторожева совершенно отсутствует чувство момента, когда надо остановиться и прекратить врать.

Я села за стол, перекрестила руки, переплела ноги, откинулась на спинку стула, прикрыла глаза, наблюдая за перемещениями по кухне.

Дракон перебирал коробки, отыскивая вчерашние салаты, Макс расставлял чашки. Поставил себе. Я ухмыльнулась. Сейчас опять начнется игра – мой любимый будет изображать человека. При этом лицо его похудеет, резче обозначатся скулы, у глаз появятся морщинки. Если с ним такое происходит, значит, выходка Сторожева его задела.

– Макс, скажи, что психам здесь не место и никакие вампиры сюда не придут. – Я не собиралась прощать Дракону его выходку. Хватит ему здесь прохладжаться.

– Здесь ни для кого не место, – глухо отозвался Макс.

Я победно глянула на Сторожева. Пускай идет собирать манатки. Может даже недоеденные салаты прихватить.

– Что, вампиров здесь мочканули? – зло спросил Сторожев.

Ах ты, храбрец какой! Ничем его не пробьешь.

– Скорее наоборот. – Макс бросил тяжелый взгляд на Диму. – Людей.

Хоть бы поморщился. Нет, так и сидит с противной ухмылочкой на лице.

– Поэтому людям здесь находиться не стоит, – для пущей убедительности добавил Макс.

– А Гурьева?

– Маша под моей защитой. А кто будет защищать тебя, не

знаю.

– Подумаешь, – смутился Сторожев. – А что тут такого произошло-то... Я ничего и не сделал...

Хлопнула дверь. Примчалась Маринка, забралась коленями на стул, недовольно дернула носиком. У нее развивается нюх на скандалы.

– Долго спишь, – посмотрела она на Дракона, уже занявшегося уничтожением остатков курицы.

– А чего еще делать-то? – Дима с грохотом отодвинул табурет, демонстративно положил локти на стол.

– Одевайся, пойдем гулять!

Я мысленно зааплодировала. Маринка уже замучила меня своими прогулками. Всю свою короткую человеческую жизнь она просидела около окна, с тоской глядя на улицу, и вот теперь наверстывала недогулянное, недосмотренное, недопережитое.

– Куда? – насторожился Димка.

– Куда скажу, туда и пойдешь!

Так, так, у девочки прорезались зубки... Давно пора напомнить «повелителю молний», кто и зачем его сюда привез. Любимая кукла наследника Тутти.

Вода закипела, и я довольно зажмурилась, представляя, как сейчас буду пить крепко заваренный чай. Сладкий. К нему еще хорошо бутерброд с колбасой.

Каррр!

Предчувствие беды вороном свалилось на меня. Я распах-

нула глаза. Сторожев что-то говорил про тетрадку... Надо посмотреть.

Макс наливал чай. Маринка с кислой физиономией смотрела на Дракона. Дима уплетал тот самый бутерброд с колбасой, что я представила. О событиях в Сёмже больше не говорили. Жаль, я не прочь была узнать, что здесь случилось.

Закрыла глаза. Тревога барабанной дробью заколотилась в голове, болью запульсировала в ушах. Сам дом гнал меня прочь, требовал, чтобы я встала и пошла.

– А давайте куда-нибудь сходим? – Мой голос звучал отдельно от меня. Это я говорю? Зачем? – Например, в кино?

«В кино?» – я мысленно ахнула. Словно кто подсказал, подтолкнул фразу на язык.

– Праздник, надо веселиться, – начала я оправдывать сама себя. – Как первый день проведешь...

– Так его и кончишь, – глупо пошутил Дракон.

Ладно, в первый день убивать человека – плохая примета. Прибью его в следующий раз, от праздников подальше.

– Ну что, тогда в город? – Макс оглядел собравшихся.

– В город! – вскочила Маринка.

– Ты справишься без меня? – негромко спросил Макс девочку. Маринка не ответила. Она с непонятной радостью смотрела на Дракона, словно уже представляла, с какой стороны начнет его препарировать. Их соседство меня почему-то задевало, захотелось взять Маринку за руку, отвести в сторону, объяснить, что дядя нехороший и надо держаться

от него подальше. Хотя кто из них двоих нехороший, еще вопрос.

Если юная вампириша справится с искушением перекусить Драконом, то и остальные люди будут в безопасности – работа Макса прошла не впустую. Он научил ее быть с людьми и не кидаться на первых встречных. А главное, не выделяться. Это первая и главная заповедь вампира. Не соблюдающие ее быстро умирают.

– Без тебя? – Маринка продемонстрировала клыки и медленно пошла к Дракону. – Справлюсь.

– Иди сюда! – поманила я ее, выставляя колени из-под стола. Маринка с готовностью забралась на них, поерзала своим твердым задом. – Для города тебя надо причесать, а то своими лохмами ты всем будешь экран загораживать. Макс, дай расческу.

Не знаю, откуда любимый достает то, что мне требуется, но как-то так получается, что у него всегда оказываются платок, щетка или иголка с нитками. Вот и сейчас расческа нашлась. Я стала распутывать мягкие податливые волосы. Из-под расчески они выпрыгивали тугими локонами. Маринка жмурила глаза, отчего ее верхняя губка приподнималась, обнажая крепкие зубы с крупными острыми клыками. Чем больше я ее причесывала, тем клыки становились больше. Она была похожа на котенка – его гладят, а он в ответ выпускает когти и царапает ласкающую руку.

Я провела ладонью по волосам. Тревога улеглась.

– Готово!

Маринка прыгнула, сделала шаг к Дракону, и в глазах у меня на мгновение потемнело. Выходит, пока девочка рядом со Сторожевым, ей грозит опасность?

– На секунду... – поманила я Маринку.

Когда она подошла (с чего бы такое послушание? опять что-то задумала?), я для видимости взбила ей пальцами челку и шепнула: – Не забудь переодеться, чтобы не обращать на себя внимания. И потеряй где-нибудь по дороге своего кавалера. Он мне надоел!

– Нет, пусть останется! – Маринка устремилась к комнате, где нарядов у нее уже скопилось порядочно. – Он уйдет только после того, как ты уберешься отсюда!

«Убираться мы отсюда будем вместе с Максом!» – мысленно поправила я. Вслух говорить не стала. Наши с Максом дела этих двоих не касаются.

Я тяжело откинулась на спинку стула, прищурила глаза. Макс с Драконом сидели на разных концах стола. За спиной любимого было окно. Он, как всегда, выбрал удобное место против света. Дракон на виду, хорошо освещен.

Мне нравится наша компания! У каждого своя цель. У Маринки – выжить меня. У Дракона – через этих вампиров выйти на других. И еще что-то, пока мне непонятное. Макс пасет Маринку, учит ее. Я же просто готова защищать всю нашу гвардию, в какую бы заварушку они ни ввязались. Даже Маринку. Про Дракона я еще подумаю. Главным для

меня, конечно, был Макс, без которого я уже не смогу и дня прожить. Мне кажется, все здесь происходит только из-за него. Не будь его, и солнцу не стоило бы показываться из-за горизонта. Мы – плод его сумасшедшего воображения. Вот так и живем...

Я придвинулась ближе к Максусу, который делал вид, что греет руки о бока чашки.

– Сбежим? – одними губами спросил он.

Я выразительно глянула на распахнутую дверь комнаты. Макс кивнул, давая понять, чтобы положились на него. Я тоже кивнула. Чем меньше времени в первый день года я проведу в обществе Дракона, тем больше сэкономлю нервных клеток, да и в течение всех оставшихся трехсот шестидесяти четырех дней встречаться мы с ним будем нечасто.

– Только, чур, Дима везет меня на снегоходе! – показалась в дверном проеме Маринка.

На ней были белая водолазка, короткая красно-синяя юбка-шотландка и высокие унты с огненной оторочкой. На веки девочка наложила рыжие тени, отчего стала похожа на лисенка. Зверек, он и в Африке зверек. А на снегоход запротестовала, чтобы меня с него согнать. Зря старается. Не нужно мне их чудо техники...

– Там бензина нет, – буркнул Дракон.

Что-то он стал невежлив с нашей принцессой. Опять забывается. Надо бы удалить из его программы все грубые слова и выражения.

– В сарае канистра. Перелей. Должно хватить. Маша, пей чай.

Макс придвинул мне чашку. Ту, что держал в руках. Так вот что это было – он остужал для меня слишком горячий напиток. И лицо у него снова стало прежним. Буря прошла, нам остались только солнечные деньки.

– Ура! – пролетела через кухню Маринка.

С канистрой она и сама разберется. Сообразительная девочка.

– Пальто надень! – напомнил Макс.

Вампирам, конечно, не холодно, они могут по морозу вообще без одежды бегать. Однако нервы местных жителей стоило побережь. Еще неизвестно, как поморы отреагируют на легко одетую в такой мороз маленькую девочку. Рыбаки народ серьезный, им под горячую руку не попадайся. И хоть я в Мезени не была (туда все больше Макс с Маринкой навдывались, силу воли тренировали), но их рассказов мне хватило, чтобы в ту сторону без необходимости не стремиться.

На ходу запахиваясь, Маринка выскочила за дверь. Надеюсь, они успеют на ближайший сеанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.